

Дарья
СЛОВНИК

Измена
ЛУЧШАЯ
ОШИБКА

Дарья Словник

Измена. Лучшая ошибка

«Литнет»

2025

Словник Д.

Измена. Лучшая ошибка / Д. Словник — «Литнет», 2025

Одна фотография. И вся моя жизнь полетела под откос. Муж изменил и лишил сына. Но я виню себя за ту роковую ночь, что разделила мою жизнь на «до» и «после». Чувство вины терзает меня, пока в мою жизнь не возвращается он - любовь всей жизни, что тоже предал когда-то. Он врывается из прошлого в настоящее. Я его терпеть не могу за то, что он сделал. И я не знаю, сможет ли он помочь мне вновь почувствовать вкус жизни... Или, наоборот, погубит окончательно... _____ - Крайне эмоционально. Впечатлительным вход воспрещен! - 18+ - ХЭ для героини, у остальных... По заслугам - Встреча с бывшим. Если книга вам понравилась, не забудьте поставить лайк ♥️#Это история Александры - подруги Вероники из книги «Измена. Подарок на свадьбу»;

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Мне больше не к кому обратиться!	7
Глава 2: Где теперь ее искать?	11
Глава 3: Ты опять врешь!	14
Глава 4: Воспоминания.	18
Глава 5: Только не он...	21
Глава 6: Влад.	24
Глава 7: Роддом №27.	28
Глава 8: Выхода нет.	31
Глава 9: Вон тот ваш.	34
Глава 10: Взорвал, взломал, разбил.	37
Глава 11: Я не отступлю.	40
Глава 12: Выбор.	43
Глава 13: Ты мое спасение.	46
Глава 14: Влад, можешь меня забрать?	49
Глава 15: Такое поведение не допустимо!	53
Глава 16: Только пол дня прошло, а я уже зае...	55
Глава 17: А можно мне на танцы пойти?	58
Глава 18: Многие хотят. Не многие могут.	63
Глава 19: Воспоминания.	66
Глава 20: Темная фигура.	69
Глава 21: Станный вопрос.	74
Глава 22: Дрожь.	76
Глава 23: Дело.	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пролог

В голове всё ещё стучит песня «On the floor» Дженнифер Лопес, хотя последний участник группы уже ушёл, вежливо махнув мне на прощание.

Сегодня мы гоняли эту песню без остановки все полтора часа тренировки.

Надо бы как-то выкинуть её из головы, иначе точно с ума сойду. Она совсем не подходит к моему внутреннему состоянию сейчас.

Я медленно прохожу по пустому залу, наслаждаясь мягким шуршанием кроссовок по паркету.

Выключаю основной свет — остаётся только уютная подсветка по углам и неоновая вывеска «Dance» на стене. Листаю плейлист, включаю «Свечку» от Polina Offline, но едва выпрямляюсь — замираю и резко захлопываю крышку ноутбука.

Музыка обрывается, и в наступившей тишине я слышу, как громко стучит моё сердце. Ладони тут же становятся влажными.

Но через пару секунд страх сменяется раздражением и злостью, когда я понимаю, что это всего лишь мой муж.

Он стоит, как и в тот вечер, облокотившись на зеркало, с идеальной осанкой, в чёрной рубашке и пиджаке, небрежно накинутом на плечи.

На губах — его фирменная полуулыбка.

— Ну, привет, булка моя.

Артур... Он пришёл. Опять...

— Проваливай, — шиплю сквозь зубы, сжимая уставшие руки в кулаки. По спине течёт капля пота, а челюсти сводит от желания его стукнуть.

Артур смотрит на меня с тем самым выражением — смесью снисходительности и какой-то показной нежности.

— Ты же знаешь, это невозможно.

Меня слегка потряхивает — то ли от усталости, то ли от злости, то ли от всего сразу. Я за последние дни почти не спала и толком не ела.

— Что ты хочешь от меня?

— Я? Просто поговорить.

— Наш последний разговор ничем хорошим не закончился. Забыл уже?

— Нет, солнышко, не забыл. Такое едва ли забудешь. Но, может, стоит подумать, кто в этом виноват, а?

— Ты хочешь сказать, что виновата я?!

— Конечно. Ты же меня ударила. Ты мне нос разбила так-то, — он одобрительно ухмыляется, коснувшись своего идеального, нетронутого носа.

— Ты тоже меня ударил! — резко показываю на свою голову пальцем.

— Да, но только в ответ. Скажи, зачем мне женщина, которая дерётся?

— Вот как?! А мне зачем мужик, который с левой бабой еб..?!

— НЕТ, — он не кричит, но резко поднимает указательный палец. Я вижу привычную угрозу в его взгляде. — Ты не будешь сквернословить в моем присутствии.

— А что ты мне сделаешь? Тебя здесь нет. Тебя уже давно нет в моей жизни, Арт. Ты ушел из нее задолго до аварии.

— А ты не думала, почему я это сделал, м?

— Потому что ты козёл, тут думать нечего.

— Ну, это несколько примитивно, Сашуль. Ты же умная девочка. Подумай ещё...

— Может, сделаешь мне одолжение и сам скажешь, раз уж пришёл?

— Всё просто.

— Неужели?

— Ага. Ты слишком... плотная. В тебе нет лёгкости, воздушности. Ты жила работой, сама по себе. А потом ещё и Кирюшей.

— Не смей о нём даже...

— Я не закончил, — перебивает Артур жестко, без улыбки. — Ты всё тянешь свои вожжи, всё контролируешь. Для тебя важнее работа и сын, а для меня в твоей жизни места не осталось. Вот я и нашёл себе такую, для которой я — на первом месте.

— Ну, если я вся такая тяжелая, зачем ты вообще со мной связался? Зачем жил со мной? Зачем женился?

— Полюбил.

Я смеюсь.

— Не надо, Артур. Сейчас уже нет смысла врать.

— Я не вру. Я правда тебя любил. Сначала.

— Ага!

— А потом при таком твоём отношении...

— При каком моем отношении? Что ты на меня все скидываешь? Будто ты весь из себя такой идеальный муж. Напомнить, как мы с тобой дрались? Еще скажи, что я такой изначально была. Это ты меня такой сделал. А, может, тебе напомнить, что это ты ходил на сторону? А? На эту девчонку ты нашел время. Ты посмотри, бедный несчастный. Да я ударила в свою работу только потому, что тебя не видела! Без конца и края эта твоя проклятая работа!

— О, не ври, моя золотая. В работу ты ударила по другой причине. И мы оба знаем какой, — он снова снисходительно улыбается. — Конкретной такой причине. Владом называют. Давай уж хотя бы сейчас не врать? Хотя бы себе не ври.

— Он тут совершенно не причем. Или ты думаешь я сына от тебя родила просто так что ли? Мы Кирюшу вообще зачали только благодаря чуду какому-то! И я даже не понимаю уже, зачем?!

— Кирюша — случайность.

— Что..? — я теряюсь.

— Случайность, но приятная.

— Ты совсем...

— Можешь мне не верить, но я люблю его. И тебя любил. Можешь делать из меня монстра, если так легче. Но мы оба знаем, кто виноват в том, что случилось.

— Проваливай! Просто уходи!

Он улыбается, глядя на меня с этой чертовой нежностью во взгляде и своей шикарной улыбкой, на которые я вечно велась. Каждый чертов раз!

Но больше этого не будет...

— Убирайся! — я хватаю табурет и бросаю со всей злостью, что во мне бушует, в Артура.

Стул врезается в зеркало, оно с диким треском лопается, осколки сыплются на пол, табурет добавляет грохота в пустом зале. Но рядом уже никого нет...

Глава 1: Мне больше не к кому обратиться!

Я открываю глаза от звонка. Второго или третьего — уже не разберу, все как в тумане. Помню только одно: надо вставать. Обязательно.

А так не хочется...

— Алло, — бормочу в трубку, едва разобравшись, где она.

— Аллю, Александра Юста?

— Да.

— Это из ритуального агентства беспокоят. Напоминаем вам о том, что сегодня в девять состоятся похороны.

— Да. Я помню.

— Отлично. Хорошего вам дня!

Я отключаюсь, не найдя, что ответить.

Хорошего дня...

Хорошего дня?

Интересно, у них там чувство юмора — обязательное требование при приёме на работу? Или их там на работу из цирка набирают?

Поднимаю голову, которая будто налита свинцом, оглядываюсь, стараясь не поддаться лёгкой тошноте.

Я уснула на диване под утро, когда только-только начало светать. Даже рюкзак не разобрала, не переоделась... Даже душ вчера проигнорировала.

Сил просто не осталось.

Вчера я спасалась работой: шесть тренировок подряд, без остановок, без обеда и ужина. Только движение... Сквозь боль в башке и усталость.

Мой личный рекорд, между прочим. Но не потому, что я такая молодец, а потому что иначе бы просто развалилась дома.

На часах - восемь тридцать две.

Супер...

Встаю. Заливаюсь кофе. Душ — потом, сейчас главное проснуться.

Надо придумать, как пережить этот день. Хотя, что тут придумывать? Пойду на работу. Как будто у меня есть варианты.

Одеваюсь во всё чёрное: джинсы, рубашка, кожаная куртка. Смотрю в окно — погодка под стать настроению. Тучи грязной ватой зависли над домами и не шевелятся.

— Прекрасно.

Природа тоже скорбит. Вместе со мной.

Выхожу, заказываю такси и еду на кладбище...

Я отказалась от церемоний, молитв и долгих прощаний. Не вынесла бы этого. Даже гробы пришлось делать закрытыми, какое уж тут прощание...

Я отказалась от идеи звать гостей, устраивать застолье... К черту.

Все и всех к черту.

На кладбище тихо. У нужного участка уже суетятся рабочие, стоят отец с матерью...

Ну вот, полный комплект. Мы переглядываемся с ними приветственными взглядами.

Здесь никакие слова не помогут. Да и все что крутилось во мне, я уже давным давно высказала. Настолько бурно, что пару дней пролежала под капельницей в больнице с нервным срывом.

Я чувствовала не просто боль. Я потеряла всякий смысл к существованию. Будто кто-то выдернул из меня душу. Нет внутри ничего.

— Зачем вы приехали? Я же просила — не надо.

— Дочь, ну мы же не чужие люди... — мама держит руки у груди, смотрит на меня с надеждой. Просительно заглядывает в глаза.

— Вот именно поэтому, — спокойно отвечаю и отворачиваюсь.

— Александра, как ты с матерью разговариваешь?

— Как вы того заслуживаете.

— Прекрати.

— Сам прекрати. Я вас сюда не звала.

— Но мы здесь. Мы имеем право здесь быть, — его голос жесткий, твердый. Как всегда... Как обычно.

Ни капли любви. Он меня даже ни разу не обнял с момента, как все произошло. Только удерживал, когда я была в истерике.

— Отлично. В очередной раз проигнорировали мою просьбу.

— Дочь, ну зачем ты так... — мама смотрит на меня с укоризной и несколько жалобно.

Я только хмурюсь. Понимаю, что она чувствует себя виноватой, но сейчас у меня нет сил подыгрывать этому чувству. Хочет играть в виноватую? Вперед.

Жалеть ее я не стану. Было бы за что.

Тем более, меня они с отцом как-то не спешили жалеть. Да и плевать на жалость. Они не стремились как-то поддержать. И это как раз больно резало по нервам.

— Когда ты спала последний раз? Выглядишь неважно, — поджимает губы отец.

— Да ну? Правда? А ты, как всегда, на высоте. Тебя вообще хоть что-нибудь может выбить из колеи? Тебя хоть что-нибудь трогает?

Отец молчит, щурится от ветра. Как всегда вид с иголки: аккуратный маникюр, волосы уложены, костюм сидит идеально.

И мамин вид тоже на высоте. Как всегда элегантна. Поседевшие волосы она красит в пепельный блонд, заворачивает в элегантную причёску. Каждый раз в одну и ту же. Рулька на затылке.

— Не делай из меня монстра, дочь. Мне тоже плохо, как и тебе. Просто я не опускаю руки. Жизнь идёт дальше.

Я бросаю на него тяжёлый взгляд. После смерти бабушки он говорил то же самое...

Отворачиваюсь. Не хочу смотреть. Если бы не Кирюша, я бы с отцом не стала связываться даже. Не общались раньше — не стала бы и теперь...

Но события последней недели всё изменили.

Честно говоря, я была в таком состоянии, что вряд ли могла принимать хоть какие-то решения, но кто-то ведь должен был этим заняться. Мама бы точно не справилась, а я...

А я только и могла, что орать, что никого не хочу видеть, привязанная к койке.

— Ну что, опускаем? — из моих невесёлых мыслей меня выдергивает голос сотрудника ритуального агентства.

Чуть сутулый мужик, облокотившись на лопату, гипнотизирует меня глубокими черными глазами, жуя жвачку.

Да так смачно жуёт, как будто это его главный инструмент в работе.

— Сейчас, две минуты ещё, — шмыгаю носом и достаю из кармана портсигар.

— Ты что, опять куришь? Александра, ну это же...

— Не твоё дело.

— А портсигар-то мой.

— Не твой, а бабушкин. Иди пожалуйста. Вон, он рядом, — киваю в сторону аккуратного надгробия с фотографией за кованной аккуратной оградкой.

Сердце сжимается, но в целом... я спокойна. Его смерть меня уже давно так не трогает. Время лечит. Сейчас у меня другие, более свежие переживания.

Хотя его смерть в свое время меня тоже знатно подкосила. Мне кажется, что в моей семье дедушка был единственным, кому было не плевать на меня. Он любил меня по-настоящему...

Холодный серебряный корпус кажется мне теплым по сравнению с моими ледяными пальцами. Вынимаю сигарету, зажимаю губами, чиркаю зажигалкой.

Подкуриваю, затягиваюсь до самого конца, насколько хватает легких. Жду, задержав дыхание, сколько могу. Легкие жгут изнутри, горло дерет от дыма, голову ведет и мне хочется упасть на колени и блевануть прямо в могилу Артура...

Но не время устраивать шоу на кладбище. Хватит того, что вся моя жизнь - сплошное шоу. А я в нем марионетка.

Быстро докуриваю, тушу сигарету о крышку большого самого простого гроба.

— Доча... — отец укоризненно тянет.

— Что?

— Это некрасиво.

— Н-да? — флегматично окидываю взглядом отца. — А что тогда красиво? Трахаться с левой бабой? Воровать сына? Ой, нет, наверно красиво - скрывать от меня то, что зять потрахивает на стороне молоденькую потаскуху. Хм... Мам, а? Как думаешь? А может вам содержимое гробов показать? Вот там наверно красиво...

Мама всхлипывает, прикрывая рот руками.

— Александра! — рявкает отец, но я не реагирую.

Выдыхаю дым от последней затяжки и кидаю окурков в могилу к Артуру. Если загробный мир существует, пусть докурит там, сука такая.

Сама же подхожу ко второму гробу.

Точнее, гробику.

Белый, с бантами и золотыми вензелями — самый дорогой, конечно.

Я пускаюсь на колени, прижимаюсь лбом к холодному дереву. Джинсы пачкаются в майской грязи, но мне плевать. Пусть думают, что хотят.

Целую гробик — другого не дано. Мне даже не показали его, чтобы якобы не травмировать.

Нос щиплет. От подступающих рыданий и от дыма сигарет дерет горло. Нос закладывает от рвущихся наружу слез... Я пытаюсь их сдерживать, но не получается.

И надо ли...

— Ты мой сладкий, всё будет хорошо, — шепчу сквозь дерево, задыхаясь от рыданий. Смахивая слёзы. — Спи спокойно, ладно? Я буду приходить к тебе.

Обещала себе не плакать, но... не получилось. Я много чего обещала своему славному мальчишке, но не справилась.

— Всё, хватит. Опускайте, ребята, — отец подхватывает меня под руки и оттаскивает.

— Нет, стой, подожди, еще минуту! Буквально минуту!

— Хватит, Саша! Хватит! Прекращай! Это надо закончить!

— Нет, ну, пожалуйста...

Дальше мне прилетает оплеуха. Обжигающая, звонкая, отрезвляющая.

— Миша! — мама испуганно вскрикивает.

В прочем, я не остаюсь в долгу. Тут же отвечаю отцу тем же. Стоим, дышим друг на друга яростью.

— Сашенька!

— Это ты нас свел с ним. Сраные твои политики-дипломаты! Хороший парень, умный, работающий! Достойный муж все дела... Семьянин хренов! — шиплю отцу в лицо, не хуже змеи. Даже слюнями плююсь, не в силах сдержаться.

— Саша!

— Ненавижу тебя. Не показывайся мне больше на глаза.

— Саша!

Он хватается меня за локоть, пытаясь остановить, но я выскальзываю, как мыло из мокрых рук.

— Пошёл ты! — бросаю через плечо и, не оглядываясь, иду прочь.

Я иду по дороге, мимо свежих и старых могил, мимо крестов и каменных надгробий. Венки, оградки, кресты - все расплывается в той водяной пелене, что застилает мне взор.

Как я вышла с кладбища — не помню. Может, такси поймала, а может, ноги сами донесли до города. Всё, что вижу перед собой — одна и та же картинка, как заевшая пластинка.

Ночь. Трасса. Три раскрученные тачки, дымящиеся, парящие своим смертельным жаром в прохладе майской ночи.

Из этой безмолвной картины меня вырывает вибрация телефона. Отвечаю чисто машинально. Номер незнакомый.

— Аллю.

— Аллю. Эм... Вы меня не знаете. Меня зовут Аня.

— И?

— Кхм... В общем, это со мной Артур вам изменял.

— Чего? — мой голос больше похож на скрип несмазанной старой калитки. — Ты вообще ах...

— Я знаю как это выглядит! Но пожалуйста! Мне больше не к кому обратиться! Я беременна и мне больше не у кого просить помощи!

Глава 2: Где теперь ее искать?

В кафешке у вокзала пахнет так, будто кто-то решил сварить кофе прямо в одном стаканчике с сигаретой и беляшом.

От этих запахов меня мутит, поэтому я стою у входа, выкуривая вторую сигарету.

От них у меня ведет голову, но хотя бы отступает тошнота...

Прости, деда. Тут уважительная причина. Сейчас я могу питаться только кофе и сигаретами. Больше ничего в меня не лезет.

Может, хоть так сброшу пару «лишних» килограмм, которые только Артур считал лишними.

Я поднимаю воротник куртки, чтобы не продуло, и тут рядом появляется девушка.

Беременная.

Совсем еще юная. Ей от силы лет двадцать, не больше... Светлые волосы в шишку на затылке заколоты, глаза большие голубые и сама она... Тоненькая, высокая, стройная, шейка как у лебедя. Бежевый плащик сидит так элегантно, ну, как на модели прямо. Всю картину портят жуткие синяки под глазами и живот. Если б не он, я б и правда подумала, что она модель. Ну, или балерина... больно тощая. Особенно с учетом беременности.

Я окидываю ее тяжелым взглядом.

— Аня?

— Ага. А вы...

— А меня лучше не зови по имени. Если не хочешь преждевременно родить.

— Поняла, поняла, — она поднимает руки, но потом опускает их обратно на живот, морщится болезненно. — Давайте зайдём внутрь? Здесь холодно, да и тяжело стоять... — она потирает живот.

Несколько театрально, как по мне. Может, реально балерина какая-нибудь? Или актриса.

Я молча захожу в кафешку, выкинув сигарету в урну. Заказываю еще один кофе.

— Во-первых, спасибо, что согласились прийти на эту встречу, — чинно начинает она, но я обрываю.

— Давай сразу к делу.

Она нервничает, закусывает губу, подбородок дрожит.

— Я... Я беременна.

— Это я вижу. Не слепая.

— От Артура.

— Поняла. Дальше?

— Я не знала, что он женат, честно! — она складывает руки на груди, глаза становятся ещё больше.

— Окей, верю. Дальше что?

— Если бы знала, никогда бы не...

— Дальше.

— Пожалуйста, не будьте такой...

— У тебя осталось четыре минуты из тех пяти, на которые мы договаривались.

— Ладно. Хорошо, хорошо. Я понимаю, — она поджимает губы, тяжело вздыхая.

— Не понимаешь. Быстрее, — выкладываю портсигар, достаю сигарету и закурываю прямо здесь.

Тут можно, всем плевать.

— Мне нужны деньги.

— Ага.

— Понимаете, мне рожать уже вот-вот, скоро. Буквально, со дня на день... может, уже завтра. А может и сегодня! Мне бы на сохранение лечь... Я же на Артура рассчитывала. Работы у меня нет. И работать я сейчас не смогу. А этот ребенок, он... — девушка прижимает руку к животу и морщится. Наверно, ребенок пинается.

Поджав губы, я смотрю на эту малолетнюю вертихвостку и думаю о том, осталось в этом мире хоть что-то человеческое в людях или нет?

В молодом поколении, в частности.

— Да мне плевать. Ты вообще осознаешь к кому пришла просить денег?

— Да, но мне больше не к кому. Я сирота. Родных нет. И я подумала, что раз это ребенок Артура, то...

— Артур украл у меня моего сына и угробил его в аварии, когда ехал к тебе! К тебе, твою мать!

Она закусывает губу, но никак не меняется в лице.

— Я этого не знала.

Я психую, вскакиваю с пластикового стула и иду в угол этой недокафешки, где на узкой двери приклеена табличка с унитазом.

Запираюсь в туалете.

Не знала она!

Не знала, что женат. Не знала, что сына украл!

Можно ли ей верить?!

Да нет, конечно!

Приехала поиздеваться. Маленькая дрянь...

Включаю воду и умываюсь холодной водой, потому что меня тошнит и щеки горят как от ожогов.

Смотрюсь на себя в крошечное узкое зеркало, заляпанное и треснутое с правого нижнего угла. Это зеркало отлично отражает и меня, и мое внутреннее состояние. Заляпанное, грязное, разбитое...

Под опухшими карими глазами синяки. На голове, над виском у линии роста волос свежая запекшаяся красная бороздка и фиолетовый синяк вокруг нее. Болит жутко. Но не так сильно, как внутри...

А в остальном моя внешность закономерная. Волосы уже грязные, кончики спутались. Щеки действительно осунулись. Не помню, когда последний раз нормально ела.

Но я не могу. Вкуса еды не чувствую, все равно что вату жевать.

Отец прав. Я выгляжу отвратительно.

Я всхлипываю, опускаю голову. Плевать. Мне сейчас не до этого. Не до вопросов внешности.

Сейчас у меня другая проблема.

А если эта девчонка правда не знала?

А если она правда такая же жертва Артура, как и я...

— В задницу, — встряхиваюсь.

Я не какая-то жалкая жертвочка. И эта Аня тоже! Она тоже не жертва! В задницу жалость. Жертва здесь только одна. Кирилл. Мой сын. Он мой маленький человечек, которого не уберег его собственный отец в попытках оставить меня у разбитого корыта.

Так что Артур получил по заслугам. И если б он остался жив, я бы сама его добила. Прямо там, в машине. Удавила бы собственными руками.

Положила бы руки на его шею и сдавливала бы пальцы, пока не выдавила бы из него всю жизнь... Которую он по дурости своей отнял у нашего сына...

Пусть бы села, мне плевать. Но я не оставила бы его в живых.

Поэтому... я могу поверить, что Артур действительно врал этой девчонке. Я могу допустить, что она тоже обманута... И ребенок в ней ни в чем не виноват, как и мой собственный сын.

Он просто жертва роковой ошибки одного мужика... Одного мудака.

Я выдыхаю, достаю телефон. Спыхватываюсь, вытираю мокрую ладонь о джинсы, так как здесь нет и намека на салфетки или ветродуйку.

Открываю приложение банка. Так, сколько там у меня есть на счету?

Ну, нормально, не бедствую. В целом, если опустить все эмоции, которые сейчас рвут меня на части... я могу сделать что-то хотя бы для этого ребенка. Если уж для своего...

Сжимаю телефон. Зажмуриваюсь с силой. Так, что, кажется, сейчас глаза лопнут внутри.

— Хватит, хватит, хватит, Саша. Перестань. Ты тут не виновата... просто поверь в это. Не ты виновата. Пожалуйста... хватит.

Вдыхаю, выдыхаю.

И снова. И снова. Дышу, пока стальной жгут не ослабляет хватку вокруг сердца.

Убираю телефон, выхожу и застываю, оглядываясь.

Ани нигде нет. На столике стоят лишь наши пластиковые стаканчики с не выпитым кофе.

Сердце екает. Портсигар. На столе его нет.

Судорожно хлопаю себя по карманам. Хотя я помню, что выкладывала его... но надежда умирает последней.

В карманах портсигара тоже нет.

Она свалила, прихватив подарок бабушки!

— Вот дрянь!

Вылетаю на улицу, рыщу взглядом по улице, кручусь как юла. Но ее и след простыл... Ну и где мне ее искать?!

Сладкие мои ягоды, добро пожаловать в новую историю жизни после предательства.

Надеюсь, вы полюбите Александру и проживете эту историю с ней до самого конца. С ее подругой Вероникой вы уже могли познакомиться в романе "Развод. Подарок на свадьбу". А если еще не знакомы, велком!

А здесь нас ждут головокружительные повороты и крайне жизненные события. Предательства, подлость, непонимание и конечно же любовь... А еще доброта, поддержка и жизненные уроки.

Мне очень важна ваша обратная связь. Буду рада встретиться с вами в коммах.

Если вам нетрудно и вы хотите поддержать автора, то поставьте книге звездочку и добавьте ее в библиотеку. Вам не сложно, а для книги очень полезно!

Спасибо, что вы со мной, без вас мне было намного сложнее. Без ваших голосов, поддержки и участия.

Обняла, приподняла, увидимся на страницах истории!

Глава 3: Ты опять врешь!

Аню я не нахожу. Оббегала всю площадь, весь вокзал, зашла во все замызганные кафешки в округе... Но эта Аня как сквозь землю провалилась.

Я возвращаюсь домой в ночи несолоно хлебавши. Чувствую себя просто ужасно. Этот портсигар был дедушкин. Он мне его не дарил, не завещал, я забрала его сама. Забрала у отца, когда умер дедушка. Просто потому что считаю, что отец не достоин этой вещи.

Мне стыдно, что я профукала портсигар так бездарно...

Просто... Идиотка!

Мне надо его вернуть... Обязательно. Надо найти эту Аню и вернуть вещь, что осталась от единственного человека, который меня искренне любил. Если не считать Кирилла...

Я еще придумаю, как это сделать. Наверняка остались следы от «общения» моего мужа с этой девкой.

Можно было бы, конечно, обратиться к отцу. Потому что он первый, к кому можно было бы обратиться с этим вопросом. Он с матерью покрывал Артура, он знал о его похождениях. Он может знать эту... Аню.

Но именно поэтому я и не хочу к нему обращаться. Вообще иметь с ним дел не хочу. Лучше справлюсь сама.

Домой идти не хочется, но нужно. Мне нужно мыться, мне нужно спать, мне нужно есть, мне нужно работать.

В общем, имитировать все то, что я делала раньше. Только теперь все это лишено смысла. Особенно сейчас когда без Кирилла, у меня в сутках образовывалась просто колоссальная дыра во времени. И в душе тоже...

Я не могу ее заполнить ничем. Работой разве что. Делаю дополнительные группы, набираю новых учеников, но все равно после десяти вечера я остаюсь наедине с собой.

Я, конечно, могу позвать Олеську и Нику, чтобы они побыли со мной, но... Во-первых, у них там свадьба Ники на носу. А во-вторых, откровенно говоря, не хочется никого видеть. Точнее, не хочется видеть никого, кто знает о том, что произошло.

На работе легче. Там никто, кроме моего менеджера Карины, не в курсе случившегося.

И Карина, спасибо ей, не мучает меня лишними вопросами и жалостью. Она просто выразила соболезнования и продолжила работать, как ни в чём не бывало. За это я ей очень благодарна.

На работе я могу забыть и почувствовать себя почти нормально. Потому что на работе мне удастся все это оставить за дверьми студии.

Никто не знает. Все продолжают жить дальше...

И только я имитирую.

Дома я привычным жестом бросаю рюкзак на пол возле дивана, но садиться не хочется. В комнате темно, только огни ночного города мягко подсвечивают пространство.

Я подхожу к шкафу, тихо отодвигаю зеркальную дверцу и смотрю внутрь. В полумраке даже яркие вещи кажутся серыми и безжизненными.

Я обнажаю его нутро, замираю, слушая свое дыхание. В потемках даже цветные ткани рубашек, пуловеров и брюк кажутся черно-белыми, серыми, бесцветными.

Я пробегаюсь пальцами по рубашкам Артура, но цель моя другая. На полочках я вцепилась в миниатюрные штанишки, рубашки, футболочки. Я сжала их с силой, желая ощутить под тканью тепло моего сына, но ткань сжалась под моими пальцами.

Холодная, пустая.

Она безжалостно напомнила мне о суровой реальности, в которой эту одежду Кирилл больше никогда не наденет.

Я прижимаюсь к его футболкам и застываю, вдыхая запах. Он еще отчетливо ощущается. Что-то молочно-зефирное, с отдушкой геля для стирки.

Я закрываю глаза и улыбаюсь, вспоминая, как Кирюша смеялся, когда я щекотала его, как он обнимал меня своими маленькими ручками. И хотя сейчас его нет рядом, эти воспоминания согревают и дают силы двигаться дальше.

— Привет, булка, — его голос по прежнему насмешливый, жесткий. Я разворачиваюсь, выронив из рук футболку Кирюши.

Артур стоит в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку. Все та же черная рубашка и чертов пиджак, накиннутый на плечи. Идеальная осанка, широкие плечи.

— Опять ты...

— Не опять, а снова. Это тебе нужно сказать спасибо. Я здесь только из-за тебя.

— Как всегда виновата я...

— Да при чем здесь вина... Опять ты себя виноватишь. Ты же знаешь, мне концепция твоей вины никуда не уперлась. Но ты по-прежнему считаешь, что если я говорю тебе что-то, что тебе не нравится, то сразу обвиняю. Ты как маленькая девочка, честное слово. Вроде уже взрослая. Тридцать два года... Вот как маленькому человечку объяснить взрослые вещи?

Он по-прежнему выглядит так, словно ничего не произошло. Улыбается, говорит снисходительно.

— С чего ты взял, что я хочу, чтобы ты мне что-то объяснял? Мне это не нужно. Можешь проваливать.

— Куда интересно? Я уже здесь. Значит у меня есть какая-то задача, верно? Будь иначе, у меня для тебя плохие новости, булочка моя.

— Хватит так меня звать.

— Но ты моя. И ты булочка.

— Я давно не твоя. И никогда вообще твоей ни была, судя по всему. Теперь я не знаю, сколько других баб ты перепробовал за моей спиной... — отрезаю и прохожу на кухню, чтоб не видеть его холеного лица, темных глаз, острых скул и челюстей с легкой небрежной щетиной.

— Ну, и долго ты собираешься тут стоять и жалеть себя? — он оказывается на кухне неслышно. Без шагов. Просто раз - и он стоит у раковины.

— А почему я не могу пожалеть себя? Почему я должна засунуть свои чувства в задницу, когда у меня сын умер? Мне улыбаться по-твоему что ли? — немедленно огрызаюсь.

— Нет, конечно. А я по-твоему улыбаюсь? И тебя не заставляю. Мне тоже больно. Эта боль разрывает меня на части...

— Да? Что ты тогда задаешь этот вопрос? С какой целью? Указать мне на то, что я опять делаю что-то не так? Или, дай угадаю, ты скажешь, что жалость для слабаков, что я слабая или что-нибудь таком духе.

— Не надо, я никогда так не говорил.

Я усмехаюсь.

— Да ну? А как же твои слова «никчемная жертвочка», «подотри сопли», «ну, давай, поплачь еще мне тут», «ты не так делаешь», «ты не так думаешь», «это не верный подход»? М? И подобное... Ты и сам прекрасно знаешь, что ты мне обычно говорил в пылу наших ссор. Назовем эти побоища так.

— Разве это слова «ты слабая»?

— Контекст понятен.

— Но это же ложь, Саша.

Его тон меняется, устанавливается ядовитее. Слова становятся напористее. Я закатываю глаза. Ох, ну, конечно. Да, это ложь...

— Окей, что ты хочешь сейчас от меня? — якобы спокойным тоном спрашивает Артур.

— Я от тебя ничего не хочу.

— Но я же здесь.

— Когда-то хотела. Я хотела чтоб ты выслушал меня, но мы вечно слушали только тебя. Тебе было плевать на мое мнение. Сейчас уже это не имеет значения.

— Как раз наоборот, мать твою! — он резко рывкает. Я вздрагиваю, скорее от неожиданности, чем от реального страха. — Мы ходим по кругу. Я же здесь! Значит, тебе надо что-то от меня! Отвечай на вопрос, когда я тебя спрашиваю. Какая сейчас у тебя задача? Просто выговориться?

Я встаю в позу, упираю кулак в бок. Что за магия? Он уже сдох, но даже с того света достает меня! Он настолько глубоко въелся под корку моего сознания, что даже сейчас он продолжает манипулировать моими чувствами и мыслями!

— А знаешь, да. Выговориться. Хоть раз в жизни высказать тебе все, чтоб ты выслушал меня от и до! Хоть раз! Уж теперь-то, когда ты сдох, это должно сработать?!

— То есть ты хочешь, чтобы я выслушал все, что ты мне скажешь?

— Да.

— Но там же будет ложь.

Я жестко усмехаюсь. Как предсказуемо!

— Ты еще даже не послушал, а уже утверждаешь, что это ложь...

— Да потому что то, с чего ты начала, это уже ложь.

— Конечнo...

— Даже сейчас. Ты посмотри, что ты делаешь. Ты не понимаешь то, что я тебе утверждаю. Тебе на мое мнение насрать. Для тебя мое мнение просто ноль. Я для тебя просто ноль. Тебе же похуй на меня. Ты посмотри, как ты стоишь вообще. Что за поза опять? Ты посмотри, как ты ведешь себя. С чего я должен тебя в таком виде слу...

— Может просто потому, что я твоя жена?! — я не выдерживаю, повышаю тон. Как всегда. Мне не хватает сил терпеть его давление. Просто не хватает... — А тебе насрать на мое мнение! Всегда было насрать! По-настоящему, а не так, как ты это выворачиваешь в своей голове против меня.

— Ты опять меня перебила! Вот именно! Я никогда не говорил тебе, что мне насрать на твое мнение!

— Ну, конечно. А как же те твои слова «засунь свой язык в жопу»?!

— Ты опять врешь, Саша! Я..

— Да бля-ять...

— ...Я никогда не говорил, засунуть свой язык в жопу! Навсегда - нет! Я тогда тебе говорил засунуть его сейчас, в моменте. Потому что ты меня перебивала, вот прям как сейчас!

И мы снова орем... Я судорожно выдыхаю, хватаясь за пульсирующий и горящий лоб. Сердце возмущенно бухает в груди.

Сколько можно... Как донести до него, что я просто хотела иметь возможность высказываться и чтоб меня слушали?!

— У меня есть право высказываться, — упрямо повторяю фразу, которая мне на языке уже оскомину набила. Каждый раз одно и то же.

— Да высказывайся сколько угодно! Но только не так! Ты же посмотри, что ты делаешь... Что ты делаешь, Сашка? Ты же демонстрируешь, что тебе на мое мнение насрать. Я тебе рассказываю про боль. У меня сын умер. А ты? Что ты делаешь? Ты даже это не можешь услышать...

— Про боль? — я задыхаюсь от возмущения. Из меня даже прямо смех рвется. — ПРО ТВОЮ БОЛЬ? Это ты угробил нашего сына! Ты убил его! Ты забрал его у меня!

— Я? — он снова ласково улыбается. Подходит ко мне и я испуганно пятаюсь от него. Нет, нет, нет... он же не реальный, правда?! Он не может меня тронуть! Я упираюсь копчиком

в подоконник, а Артур ласково смотрит на меня, но глаза по-прежнему холодные, как лед. — Нет, Сашуль. Это ты убила его. Ты спровоцировала меня, ты начала драку. Ты никогда не верила в меня. Никогда не считала мужиком, поэтому боялась, что я сделаю что-то плохое, когда тебе ничего плохого никогда не угрожало. Ты боялась, провоцировала и вот что из этого вышло, — он ласково проводит пальцами по воздуху рядом с моим правым виском. Там, где рана. Но я не чувствую его прикосновения.

— Замолчи, — шепчу севшим голосом. Меня трясет от ярости и бессилия. В глазах собираются злые слезы, но я давлю их в себе. Нельзя показывать слабость. — Ты не имеешь права этого говорить.

— Почему? — он усмехается. — Потому что я якобы умер? Но я здесь, — он тычет в мой лоб указательным пальцем. — Ты сама меня создала. Как в прямом так и в переносном смысле. Все мои действия это лишь зеркало, Сашуль. И ты знаешь, что я прав. Ты виновата. Ты это сделала с нами...

— Нет!

В голове проносятся свежие воспоминания, от которых меня снова начинает трясти. Я зажимаюсь, но перед глазами те яркие картинки.

Кто из нас виноват?! Неужели и впрямь я?!

Глава 4: Воспоминания.

День аварии.

Я тогда неслась домой на всех парах, как только могла. Выжимала газ, пролетала светофоры. Пару раз чуть не столкнулась с чужими машинами.

Мой телефон посреди тренировки пикинул смс-кой и я посмотрела. Раньше не смотрела, не отвлекалась. Но с рождением Кирюши все поменялось. И я посмотрела...

С неизвестного номера мне кто-то прислал смс-ку. Самую простую, не по мессенджеру. Ни ватсап, ни телеграмм, ни Вк...

Обычная. Самая обычная смска! Только в ней было необычное вложение.

Фотография.

Одна фотография в одной смске. И эта фотография разделила мою жизнь на «до» и «после».

Я пыталась тогда позвонить по этому номеру, но сначала там не брали трубку, а потом и вовсе женский голос заявил мне, что абонент не абонент. Кто-то выключил телефон.

Ну я и сорвалась. Оставила Ксению меня подменить, а сама ринулась домой.

Дело в том, что на этой чертовой фотке был мой муж Артур и какая-то девица. Это сейчас я уже знаю, что ее зовут Аня.

А тогда это была просто какая-то незнакомая мне молодая потаскуха, которую мой муж целовал у машины. Судя по всему он помогал ей забраться на сиденье его тачки. Еще бы!

С таким-то животом! И он ласково ее целовал, улыбаясь при этом. Очень милое фото... если не считать, что он целовал любовницу.

Я так и не выяснила, кто прислал мне эту фотку. Да это было уже и не важно.

Я поднялась в нашу квартиру прямо так, по лестнице, не дождавшись, пока приедет лифт. Дверь была открыта, и я залетела домой запыхавшаяся и злая.

А Артур... Он вещи собирал в чемодан. Как ни в чем не бывало! И свои и... Кирила.

Кирюша стоял у дивана, растеряно глядя то на меня, то на отца. При виде меня он сладко заулыбался, демонстрируя мне свои первые белые зубки. Еще не все прорезались, но он уже радостно их всем показывал.

— Ма, — он потянул мне свои ручки, и я тут же кинулась к нему, схватила, увидев, что он уже одет в уличное.

— Кирюша...

Няни дома не было.

Мы с Артуром замерли на несколько мгновений, сверля друг друга взглядом.

Мы оба понимали, что задавать уточняющие вопросы как минимум глупо. Итак ясно, что он решил свалить. Итак ясно, что я залетела домой злая не просто так.

— Я уйду, — наконец сдержанно произнес Артур, бросая в чемодан пачку футболок сына.

— Вали. Скатертью дорожка.

Артур усмехнулся.

— Даже не спросишь, почему?

— Я прекрасно знаю, почему. Поэтому и не держу. Ты свободен. Вали.

— Не смей со мной так разговаривать.

— А как мне еще с тобой разговаривать? В ножки кланяться? — я опускаю Кирюшу на пол, достаю телефон и открываю фотку. Артур лишь мельком кидает на нее взгляд и больше не смотрит. — Что не смотришь? Приглядишься. Или противно смотреть на самого себя? Стыдно? Хотя о чем это я? Тебе противно и стыдно?! Ха!

— Мне жаль.

— Тебе жаль? Что жаль? Жаль, что тебя кто-то сфоткал и ты так бездарно спалился? Слушай, Басов, давай ты не будешь врать.

— Все? Ты высказала свое фе? Могу и я высказаться?

— Делай, что хочешь, — я снова поднимаю Кирюшу на руки и иду к двери.

— Куда собралась?

— Подальше от тебя. Собирай свои шмотки и вали.

— Я уйду только с сыном.

— Что? Ха! Да ты вообще обалдел, Арт? То есть ты мне как минимум семь или восемь месяцев врал... Но судя по всему даже больше. Сношался где-то на стороне с молоденькой девчонкой, обрюхатил ее, врал мне все это время, и сейчас хотел тупо украсть моего сына, пока меня нет дома?

— Следи за языком. Это вообще все не правда.

— Что не правда? Не правда, что я показала на фото? Или не правда то, что я тебе говорю то, что думаю? Или не правда то, что я описываю тебе твой грешок? — я выпадаю в осадок, не веря в то, что он отнекивается, когда его спалили стопроцентно и безоговорочно.

— Тут неправда почти все, — болезненно морщится Артур с ноткой благородной брезгливости на лице. — Это пиздос какой-то... Извини, пожалуйста, но это просто все очень тяжело слушать. Правда, — он кивает с бесконечно честным выражением лица. — Знаешь, я вот сейчас как начну...

— Мне тоже было тяжело тебя слушать! — Кирил кукуется и я тут же сбавляю обороты. — Прости, солнышко, — глажу его по головке.

— Что тяжело-то?

— Выслушивать тебя. Каждый раз.

— Да когда это ты меня слушала вообще?! — он тоже повышает тон, шагая ближе.

— Не ори. Ты Кирила напугаешь.

— Блять, — он картинно взмахивает руками, выдыхает. Снижает тон. — Ты понимаешь почему я вообще голос повышаю? Ты это понимаешь или нет? Ты просто нагло врешь, не зная правды, и начинаешь приплетать вообще не понятно что, основываясь на каких-то своих фантазиях!

— Нормальные люди вообще не орут. И мы сейчас не об этом.

— Ох ты ж блин. Вы поглядите на нее. Нормальные люди. Ты себя-то видела со стороны? Залетела, разоралась, раскомандовалась. Ты считаешь это нормальным поведением?

— В контексте ситуации? Да. Ты изменил мне и хотел украсть сына!

— Да кто его крадет?! Ты вообще слышишь себя? Ты вообще слушаешь что я говорю? Украсть? Да это же бред! Почему ты просто не слышишь меня? Почему ты не слышишь, что я пытаюсь тебе донести, что это все не так? Ты вообще понимаешь, что когда человек важен, он, блять, прислушивается к тому, что ему говорят?!

Кирил начал хныкать мне на ухо, я его прижала к себе сильнее.

— Артур, если человек для тебя важен, то когда он тебя просит не орать, ты перестаешь орать. И я тебя уже просила. И не только сегодня! Мы уже это обсуждали!

— Это не так работает, Саш.

— Да что ты?

— Да. Потому что та форма, в который ты сейчас разговариваешь со мной, она меня крайне не устраивает. Она не приемлема для меня и неприятна мне.

— А мне не приятна та форма, в которой ты орешь на меня, — отбила обратно ему той же монетой.

— Совершенно верно! Верно, да! И мой ответ это реакция на твое поведение!

— Но ты изменяешь мне и крадешь моего сына, — искренне изумилась его извращенной логике. И ведь он совершенно серьезен!

— Нашего!

— Нет, Артур. С этого момента только моего.

— Да ты вообще берега попутала, дорогая. Это уже ни в какие ворота не лезет. Тебе же вообще похрен на то, что я говорю... Абсолютно. Похрен. Плевать. Тебе поебать на меня абсолютно... На то, что я чувствую. Ты вообще понимаешь, что ты своим поведением меня размазываешь? Женщина, в которую я вкладывался, меня просто уничтожает... Что это вообще такое? Ты себе вообще отдаешь отчет о своих действиях?

— Да пошел ты, — устало выдохнула и шагнула к двери. — Пустой разговор. И опять о тебе.

Артур схватил меня за руку и развернул обратно.

— Ты никуда не уйдешь. Не с нашим сыном!

— То есть тебе можно было с ним свалить в закат, а мне нельзя?

Кирил заплакал куда сильнее, чем до этого. Я не могу сконцентрироваться одновременно на нем, горящем взгляде Артура и его руках. Которыми он стал тащить меня обратно, вместе с тем выхватывая у меня из рук Кирилла.

— Ты, блять, вообще не понимаешь, как это работает! И не поймешь, пока не осознаешь, что мы с тобой не на равных. Ты моя женщина, а не наоборот, поняла? Я здесь решаю, а не ты. И пока ты это не поймешь, так и будешь слушать мой ор!

— Не собираюсь я больше тебя слушать! Отпусти меня и Кирилла!

— Да я тебя и не держу, вали! — он отталкивает меня в сторону входной двери, я врезаюсь в узкий шкафчик для верхней одежды, чуть не падаю, но все-таки удерживаюсь на ногах. Меня не так-то и просто выбить из равновесия!

Вместе с Кириллом он вернулся в комнату и стал застегивать чемодан резкими движениями. Одной рукой ему было неудобно.

И я... Я увидела в этом шанс. Я подбежала и врезала ему что есть силы прямо в нос! Пока он был открыт. Пока его руки были заняты.

Знаю, что подло! Но по-другому я бы никак не забрала у него Кирюшу! Пришлось выбирать. И я выбрала.

Я схватила сына и кинулась вон из квартиры.

Только не успела...

Я почувствовала резкую боль в волосах. Артур схватил меня за затылок и со всей дури шарахнул о узкий шкафчик...

Я пришла в себя с трудом. И как оказалось, весьма быстро. Только все перед глазами шаталось и глазу было больно, потому что в него кровь залилась из рассечения на голове.

Я успела увидеть, как Артур захлопнул входную дверь. В руках у него был мой сын и злосчастный чемодан.

— Кирюша...

Глава 5: Только не он...

— Нет! — я прихожу в себя, отмахиваясь от воспоминаний и бью Артура в грудь, но мои руки проходят сквозь воздух. Больше в кухне никого нет.

Я тяжело дышу, едва справляясь с диким сердцебиением.

Его нет. Его здесь нет.

Его вообще теперь нет!

Надо в это просто поверить.

Лечу в спальню к шкафу, дверцы которого как раз забыла закрыть. Хватаю покрывало с кровати, расстилаю на полу и следом кидаю на него рубашки Артура и вместе с вешалками.

Следом идут пиджаки, футболки, майки, костюмы и брюки. Шорты, трусы, носки. Все до последнего галстука!

Я сваливаю все в одну кучу, опорожняю полки шкафа. Он сразу становится большим, пустым и светлым. Даже в темной комнате белые полки, словно бельмо на глазу

Я с силой завязываю углы покрывала между собой по диагонали и оттаскиваю этот баул к двери. А затем к лифту. А затем на улицу и... к помойке.

Может, Артур таким образом свалит, наконец, из моей головы и моей жизни.

Я ни в чем не виновата.

— Я не виновата, — повторяю вслух и цепляюсь взглядом за торчащую из пледа светлую ткань.

Футболка.

Хватаю ее, настойчиво вытягиваю под аккомпанемент треска ткани.

Оставляю ее себе на память. Чтобы помнить, что сделал этот гад. Чтобы помнить, что он хотел сделать за моей спиной и сбежать. Оставить мне лишь жалкие шмотки и забрать самое драгоценное! Сына!

Он и забрал! Ублюдок!

Он забрал! Не я!

Рычу, стискивая несчастную футболку до скрипа ткани, до режущей боли в ладонях.

Как же хочется заорать. Но не могу. Не могу себе позволить. Я здесь не одна живу... И лишнего внимания я привлекать не хочу.

Я возвращаюсь домой, чтобы проваляться в постели до следующего утра. Сна ни в одном глазу. Где тут уснешь, когда твой муж вроде как мертв, но все равно продолжает трепать тебе нервы. И я понятия не имею как от него избавиться.

Первая тренировка в 9:30. Так что я перестаю продавливать диван, поднимаюсь.

Принимаю душ, чтобы привести себя хоть в какой-нибудь порядок. Все-таки нельзя пугать людей своим видом. Я продолжаю жить в обществе. И с этим надо считаться.

А когда первая тренировка заканчивается, у меня звонит телефон.

Незнакомый номер.

Без задней мысли принимаю звонок: специфика работы у меня такая: мне часто звонят с незнакомых номеров узнать на счет тренировок или заказать постановку танца...

— Алло, — присаживаюсь на подоконник, пью воду. Чувствую, как на лбу выступила испарина и вдоль позвоночника катится капля пота.

Тренировка прошла успешно, но тяжело. Все же без сна работать - то еще удовольствие.

— Александра? — женский голос показался мне сухим и каким-то слишком уж официальным.

— Да, я.

— Извините, не знаю вашего имени отчества. В данных, что мне оставили был только номер и имя. Меня зовут Ирина Сергеевна. Я являюсь сотрудником отдела опеки и попечительства города Москвы. Вы можете сейчас говорить?

Я не на шутку напрягаюсь. Даже выпрямляюсь.

— Могу.

— Отлично. Вы знаете некую Анну Викторовну Довбор?

Сердце пропускает один удар, а затем взволнованно выталкивает двойную порцию крови. Только на лице не дергается ни единый мускул.

Фамилию знаю. Даже отчество. Да и имя тоже знакомое... Давно не слышала о ней ничего, но...

— Нет.

— Дело в том, что Анна Дмитриевна родила ребенка сегодня ночью и самовольно покинула роддом, оставив новорожденного. Она указала ваш номер телефона в качестве контактного лица. Нам необходимо срочно с вами встретиться для выяснения обстоятельств и решения дальнейшей судьбы ребенка.

— Подождите, подождите... Это какая-то ошибка. Я с ней не общаюсь. С чего бы ей оставлять вам мой номер?

— Так все-таки знаете?

Блин.

— Можно сказать, что нет. Я не слышала о ней много лет.

— Александра, между «нет» и «можно сказать, что нет» есть разница. Я понимаю ваше удивление, но по закону мы обязаны проверить все контакты, которые оставила мать. Нам нужно, чтобы вы подъехали в роддом номер двадцать семь и дали пояснения. Это необходимо для дальнейших действий по устройству ребенка. Если вы не приедете, мы будем вынуждены обратиться в правоохранительные органы для установления обстоятельств и поиска матери. И тогда вас скорее всего и туда вызовут. Вам оно надо?

Я молчу, слушая частое биение сердца в ушах.

Не было печали, снова осерчали...

— Пожалуйста, поймите, это стандартная процедура, — продолжает Ирина Сергеевна, вызывая ко мне.

— Хорошо, я приеду, — коротко бросаю и отключаюсь.

Какого черта вообще?

Анна Викторовна Довбор?

Это шутка какая-то что ли?

Единственная Анна, которую я знаю и которая могла родить «со дня на день» - это, блин, любовница Артура.

А единственная Анна Викторовна Довбор - это...

Сколько там прошло уже? Мне было семнадцать, ему восемнадцать... Ане, кажется, тринадцать...

Я невольно загибаю пальцы.

— Раз, два... пять... восемь... — пальцев не хватает, — ...пятнадцать лет.

Так... пытаюсь вспомнить лицо девчонки, что пришла ко мне с пузом на перевес несколько дней назад.

Ну, если допустить, что ей двадцать восемь лет, то все как-то не очень вяжется. Она не выглядела на двадцать восемь. Хотя... Мало ли чем она живет и как. Может, хорошо за собой ухаживает. Да и тощая такая была. Все может быть. Я уже ничему не удивлюсь...

Даже если это Аня... Серьезно? Я ее не узнала...

Получается, и она меня тоже? Или узнала? Тогда что это была за театральщина?!

Да е-мае... Если б она сказала, что она сестра Влада, то я помогла бы ей куда охотнее! Но... Чего она добивалась, блин?!

Может все-таки не узнала?

Я упираюсь локтями в колени и прячу лицо в ладонях. Головоломка какая-то... Мне, конечно, как раз сейчас до всех этих разборок.

Пятнадцать лет назад Влад свалил из моей жизни и больше не появлялся. Влад бросил меня, выбрав карьеру военного, чтобы завоевать чертово одобрение отца.

Мда... Одобрение отцов... Наша общая боль. Ахиллесова пята. Так, ладно, не о Владе речь.

А если это реально совпадение?

Хм... Объявляется некая «Анна Викторовна Довбор».

Слишком редкая фамилия для простого совпадения. А с учетом отчества и того факта, что она родила...

Мой муж обрюхатил сестру человека, которого я когда-то любила. Это что шутка такая?!

Подрываюсь, хватаю сумку с телефоном и снова оставляю все на на Ксюшу. Когда-нибудь ее терпение точно закончится и она свалит от меня в закат.

— Прости, Ксюш, дело срочное!

Она лишь отмахивается, говоря, что все «норм». В принципе, справедливо. Я же ее не бесплатно эксплуатирую. Я плачу ей зарплату. А ей деньги точно не лишние.

Уже через час я влетаю в коридор роддома номер двадцать семь, нервно сжимая сумку в ледяных руках. И это при том, что на улице жара +34.

И замираю.

Сердце начинает свой башенный пляс, когда я вижу в конце коридора высокую широкоплечую фигуру...

Только не он...

Ягодки мои, я рада, что вы остаетесь со мной и так активно комментируете! Спасибо вам огромное за участие и поддержку.

Подписывайтесь, комментируйте, ставьте звездочки, не стесняйтесь)))

Обняла, приподняла:*

Глава 6: Влад.

— Жень, я тебе сколько раз говорил, что у вещей есть свои места и они должны находиться на своих местах, — я кидаю кулек с грязными носками прямо в дочку, что развалилась на диване и смотрит мультики. — У нас тут не отель-люкс, но и не казарма. Носки в стирку. На раз-два.

Женька смотрит на меня исподлобья, поджимает губы, закатывает глаза. Я прямо вижу, как ее распирает от невысказанной язвительности.

Я сам когда-то подчинялся приказам, сам командовал взводом, проходил всякие разные ситуации. Но с Женькой я впервые столкнулся с полным неподчинением. И вот тогда-то я понял, что такое настоящая растерянность.

Я - мужик, что прошел не одну горячую точку, растерялся при общении с тринадцатилеткой.

Общение с собственной дочерью стало для меня едва ли не самым сложным испытанием в жизни.

Пока я обдумываю свои тяжелые мысли, глядя на наглую девчонку, Женька молча выпрямляется, всем своим видом показывая, как ей лень и как она меня в гробу видала с моими приказами.

Она так же молча поднимает кулек с носками и, шаркая ногами, идет к ванной, демонстративно открывает широко дверь и так же демонстративно закидывает носки в корзину для белья.

— Отлично. Молодец.

— Молодцы сосут...

— Жень! — рычу не хуже сторожевого пса. Да что ж ты делать будешь?!

Не девчонка, а черт знает что! И не слушается совсем.

Уже год с ней вожусь и все никак понять не могу, на какой козе подъехать к этой... козе! Соплячка вредная.

Всю душу мне вынула за этот год.

— Да, все-все, — она поднимает руки. — Все? Могу дальше мультики смотреть?

— Уроки сделала? Если у тебя сегодня их отменили, это еще не значит, что нужно фило-нить вообще.

— Сделала.

— А если проверю?

— Пфф, проверяй, — жмет плечами и заваливается обратно на кожаный диван.

Я медленно вдыхаю, задерживаю дыхание и ухожу вниз. Она совершенно точно решила испытывать мое терпение до самого конца. А ведь я даже ничего сделать не могу.

Привычные мне схемы решения конфликтов тут совершенно не работают.

С момента, как я забрал ее из приюта, прошел почти год. Она пробыла в нем совсем немного, но даже этого «немного» хватило, чтобы ее характер испортился окончательно и она меня возненавидела.

А я просто не хотел ее брать к себе, когда ее мать еще была жива. Я тогда только-только вернулся со службы. Ни кола, ни двора. Ночевал в машине или отелях. Какой ребенок?!

Да и не знаю я, как быть отцом.

У меня своего-то толком не было. Нет, технически он был. Всегда. И сейчас есть. Просто это не тот отец, на которого я хотел бы походить. А по-другому у меня не получается.

И я сразу понял, что не получится. Поэтому и сказал ей тогда «нет, возвращайся к матери».

Я не знаю, как быть отцом, в котором она нуждается. Не знаю, как быть мягким. Я привык командовать, привык, что меня слушаются беспрекословно. А Женька... Я бы хотел сказать, что она как маленький дикий ежик.

Но нет. Она скорее как дикобраз.

Пожалуй, все-таки этот «бой» я проиграл. Еще тогда, в свои девятнадцать. А может и раньше...

Мыслями снова возвращаюсь к Сашке...

Каждый раз одно и то же. Как только я вижу Женьку, так рано или поздно мои мысли отказываются назад, и я думаю о Сашке.

Что было бы, если б я тогда послушал ее и остался с ней? Может, у нас уже был бы ребенок, как раз возраста Женьки...

Но в реальности все оказывается куда хуже, чем в наших мечтах. Ох уж эти «если бы да кабы».

— Обед, — рываю так, чтобы Женька точно услышала на втором этаже. Сначала тишина, а потом слышу - шаги.

Она никогда не отзывается.

Ставлю две тарелки на деревянный стол. Кладу две ложки.

— Опять гречка с мясом?

— Не опять, а снова, — сдержано откликаюсь, накладывая из сковородки ей порцию.

— Фу, не скреби ложкой по сковородке. Я прямо слышу, как ей больно.

— Больно мне, когда ты не съедаешь свою порцию.

— Не съедаю, потому что она задрала уже. Сраная гречка каждый день!

— Слышь, малая, следи за языком. Это полезная еда. Еще и с мясом! Жуй и не выпендривайся, а то на сух паек посажу. Посмотрим, как ты взвоешь уже через три дня, жуя пресные галеты.

Женя морщится, надувается как мышь на крупу, но все же берется за ложку.

Мы едим молча. И эта тишина давит на меня сильнее, чем шум боя. Я не знаю, о чем говорить с девчонкой тринадцати лет.

Она тощая, как черенок от лопаты. Волосы остригла под пацана. И, боюсь, со мной она не станет женственнее. Я понятия не имею, как общаться с ребенком. Да еще и девочкой.

Ей нужна женская рука, а не моя отбитая башка.

Жую и чувствую, как в заднем кармане начинает вибрировать телефон. Достаяю. Обычный, кнопочный, но не совсем тапок. С выходом в интернет и простенькой камерой.

— Довбор у аппарата, — отвечаю сухо, проталкивая такую же сухую гречку в горло. Сегодня из меня повар так себе.

— Владислав Викторович?

— Я. Кто это?

— Меня зовут Ирина Сергеевна. Я являюсь сотрудником отдела опеки и попечительства города Москвы. Вы можете сейчас говорить?

— Да.

— Я звоню вам по поводу вашей сестры, Анны Викторовны Довбор. Все же верно, это ваша сестра?

— Да. Что она опять натворила?

Я напрягаюсь и откладываю ложку. Аппетит не испорчен, но я решаю сконцентрироваться на разговоре.

— Анна Викторовна сегодня ночью родила мальчика и самовольно покинула роддом, оставив новорожденного. Мы не знаем, куда она направилась. Вы что-нибудь знаете о ее местонахождении?

Я тяжело вздыхаю. Тру глаза.

— Нет, понятия не имею, где она. Мы не общаемся.

— Поняла. Так как вы ближайший родственник, что вышел на связь, я вынуждена вам сообщить, что вы должны подъехать для разбирательства в роддом номер двадцать семь.

— Зачем? В чем там разбираться?

— Ну, может вы захотите взять опеку над родственником. Иначе ребенка начнут оформлять в детдом. Вы можете использовать шанс и не допустить этого.

— Да вы издеваетесь... — едва слышно шепчу и повышаю голос для этой Ирины Сергеевны. — Я вам приют что ли?

— Владимир Викторович, понимаю ваши эмоции, — сухо продолжает сотрудница опеки. Нифига она не понимает. Я уже принял под свою ответственность одного ребенка! Взрослого. И даже с ней не справляюсь. А тут мне предлагают новорожденного забрать? Да что я с ним делать буду? — Но по закону мы обязаны уведомить ближайших родственников и предложить им оформить опеку над ребенком. Если же вы откажетесь, мы составим соответствующий акт и передадим малыша в дом малютки.

— Не давите на жалость. У Анны еще отец есть. Ему и звоните. Я при чем?

— Хм... — Ирина Сергеевна недолго молчит. — Вы про Виктора Петровича Довбор?

— Да. Про него. Наш отец.

— Мы не можем до него дозвониться по тем контактам, что есть в свободном доступе.

— Отлично...

— Вы можете официально отказаться от ребенка, но для этого все равно нужно подъехать в роддом. Для составления и подписи необходимых бумаг.

— Понял. Хорошо. Я подъеду.

— Если можете, лучше как можно быстрее. Желательно сегодня в ближайшее время.

— Хорошо, — с нажимом повторяю и отключаюсь.

Не было печали, черт вас всех заберите!

— Что случилось? — Женя смотрит на меня из-под бровей, насупившись над тарелкой.

— У тебя брат двоюродный родился. Жуй давай, не отвлекайся.

Я встаю, беру тарелку с кашей и выкидываю ее в мусорку. Пожрать все равно не удастся теперь спокойно, пока не разгребу эту задачу.

— Эй! А когда я так делаю, ты орешь!

— Когда сама будешь оплачивать еду, тогда будешь сама решать, что с ней делать.

— Так не честно!

— Жизнь не справедлива, — отрезаю спокойно. — Смирись и жуй.

— Спасибо, блин...

— Посуду не забудь помыть. В прошлый раз вся гречка засохла намертво. Не повторяй ошибок.

— Ц, я помню, — она закатывает глаза.

— Молодец. Все, я ушел. Увидимся вечером. Дверь закрой.

Я беру ключи от «триумфа» и выхожу из нашего, с позволения сказать, «дома». Без понятия, как назвать то жилище, которое я для себя организовал, не планируя здесь жить ни с женщиной, ни с ребенком.

Это когда-то было огромное СТО, потом его переоборудовали в бар, но он не окупился. Его-то я и выкупил. Одну половину так под бар и оставил, а во второй половине - оборудовал себе жилье.

Это двухэтажное помещение со сквозным потолком нельзя назвать обычным домом. Потому что внизу у меня кухня одновременно с мастерской, а сверху душ и спальня, в которой как раз сейчас живет Женька. А я обретаюсь на старом диване в мастерской. Прямо рядом с разобранным мотоциклом.

Мне не привыкать. И не на таком спал. Очень часто в жизни я спал так, что матрасом мне была сырая земля, подушкой - трава, а одеялом - чистый воздух...

А над головой просторное чистое небо... И дай бог никто не летал в нем, чтобы найти меня и моих бойцов. И такое тоже было...

Но сейчас это все закончилось. Для меня.

За стенкой у меня теперь бар. А за другой стенкой большой гараж...

Отличная берлога для отставного вояки, но никак не дом для маленькой девчонки, что еще только учится...

И тут мне предлагают взять еще и младенца!

Нет, у жизни определенно есть чувство юмора...

Глава 7: Роддом №27.

Саша.

Когда я остановила машину у ворот роддома номер двадцать семь, я еще несколько минут просто сидела, не в силах выйти.

Сердце бешено колотилось. Я ведь не хотела приезжать сюда. Не хотела никого видеть, никого слышать. Но мне вечно не дают выбора.

Взрослая жизнь - она такая... Приходится делать то, что не хочется. Больше рядом нет моего любимого дедушки, что хлопнет по плечу и скажет «Жги, Сашок, не слушай никого. Делай, что хочется, перед папкой твоим я тебя прикрою».

Больше меня прикрывать некому...

Я собрала тогда волю в кулак, вышла из машины решительно. Даже ускорила, чтобы не сбежать обратно. И когда я влетела туда, я совсем не ожидала, что увижу... Его!

Влад!

Что он здесь делает?

Неужели и вправду Довбор Анна Викторовна это та самая Аня Довбор... та, что сестренка Влада? Та пигалица, с которой я как-то ела пиццу после школы в компании Влада...

Но раз Влад здесь... Значит, да.

Внутри все сжимается, когда я вижу его фигуру. Я замираю, не в силах поверить. Неужели и впрямь он?

Шагаю вперед.

Шаг. Еще шаг...

Ноги несут меня сами. А глазами я буквально пожираю высокого мужчину в конце коридора.

Он стоит ко мне спиной, но я узнаю его сразу.

Как же не узнать... Мы столько лет были вместе. Я видела, как он из мальчишки превращаешься в юношу. Как крепнет и взрослеет. Я видела, как в нем прорезаются мужественные черты... Но я не увидела, как он стал мужчиной.

И даже несмотря на это... Даже не смотря на то, что я не видела его долгие пятнадцать лет, я все равно узнаю его. Даже со спины.

Я пыталась его забыть. Пыталась выкинуть его из головы... Но так и не смогла.

Я это отчетливо понимаю, когда вижу его чертов затылок. Он значительно раздался в плечах за эти годы. Даже, кажется, еще успел вырасти...

Высокий, бицепсы такие, что бревно переломит и не вспотеет. Знакомая линия шеи и волос, которые я когда-то гладила пальцами, засыпая вместе. Эти моменты были безумно редкими, так как наши предки единодушно не одобряли наши школьные отношения...

Считали, что мы бесимся, что страдаем фигней... Что это все юношеские гормоны...

Может и так.

Только для меня все было по-настоящему. Я любила его. Даже слишком. Поэтому боль, которую он мне причинил своим предательством оказалась прямо пропорциональной любви.

Я тогда думала, что не переживу. Что ничто не сможет сравниться с этой болью...

Наивная.

Следом умер дедушка.

А теперь и...

Сердце сжимает тисками и дышать становится трудно... Внутри все обрывается в один миг, стоит только подумать о сыне.

ет, Саш, не сейчас. Не думай о Кирюше.

Не сейчас... Не надо. Просто держись. Как всегда.

Влад поворачивается ко мне, услышав шаги позади себя. Наши взгляды встречаются.

Я чувствую мстительное удовлетворение, когда замечая как он удивляется. Я вижу в его взгляде растерянность, а затем я вижу что-то еще, чего я не хочу видеть. И он, конечно, тут же берет себя в руки. Эмоции под замок. Контроль...

Конечно, как иначе... Его так учил его отец.

Влад изменился... От того обаятельного юноши не осталось и следа. Нет, он конечно все такой же обаятельный. Это никуда не ушло. Только взгляд стал жестким.

Губы сжимает в напряжении, у глаз собираются тонкие морщинки на загорелой коже. И этот жуткий шрам...

Он тянется от виска, бороздит кожу щеки и резко уходит вниз, под ухо, теряясь в волосах. Это кто ж его так? Как?

Я отвожу взгляд, высматривая номер кабинета. Я пытаюсь переключить свое внимание, чтоб огонь ярости и боли внутри утих. Хоть немного.

Так и живу. Душа периодически полыхает, а я потом существую на ее тлеющих остатках. Нормально. Где наша не пропадала, верно?

А кому сейчас легко, как говорится.

Улыбаемся и пашем. Дальше... Только вперед.

Мой отец руководствуется именно такими установками. И, кажется, я превращаюсь в него... Может, не так уж мы и различаемся. Может, я его терпеть не могу как раз потому, что мы так похожи...

Черт.

— Здравствуй, Саша.

Боже... Его голос. Одновременно знакомый и незнакомый. У меня от него внутри все сжимается, мышцы на лопатках сводит и мурашки бегут по всему телу... К сожалению, приятные...

Не хочу к нему ничего чувствовать, но... Тело, как будто старый преданный пес, что ждал своего хозяина много лет, встряхивается и виляет дофаминовым хвостом.

У меня учащается пульс от одного его голоса...

Черт, как же я хочу ничего не чувствовать!

— Приветствую, — сдержанно киваю и отворачиваюсь.

Я чувствую, как он смотрит на меня.

— Что ты здесь делаешь? — рокошет тихо.

— Не твое дело.

Мы замолкаем.

Я смотрю на герань в коричневом горшке, и протягиваю руку к ее листкам. Касаюсь. Чуть сминаю. По воздуху начинает плыть одуряющий запах герани. Чуть сладковатый, но больше похожий на какой-то цитрус... как будто кто-то чай с бергамотом решил заварить.

Этот запах отлично перебивает местный больничный душок, который у меня вызывает внутреннюю дрожь.

А еще перебивает запах Влада... Тот самый, который я уже успела позабыть. Как я думала. Но нет. Помню.

Как на зло, помню!

Дверь кабинета открывается. Я оборачиваюсь и вижу женщину средних лет с мешками под глазами, взглядом уставшей собаки, но элегантной прически. Она в голубой блузке в белый мелкий цветок и строгих серых брюках.

— Владислав Викторович?

— Да.

— Александра? — я лишь киваю на ее вопрос. — Извините, я все еще не знаю вашего отчества.

— Обойдемся без него.

— Хорошо, проходите, располагайтесь. Разговор будет не простой.

Да уж... Поняла без уточнений.

Я прохожу в кабинет, Влад меня пропускает. Сажусь на стул, чувствуя, как Влад занимает место рядом.

Его близость обжигает меня. Наши колени едва не соприкасаются и я отвожу ноги в сторону. Я ненавижу себя за эту реакцию, а его ненавижу за то, что он все еще способен вызывать во мне такие чувства.

Несмотря ни на прошедшие года, ни на его предательство. Ни смотря на то, что я уже даже замужем побывала!

Но Артур прав... Я никогда не могла забыть Влада. Как бы Артур не старался... Может, Артур прав...? Я не любила его и потому мне было плевать на него по большому счету? И я о нем не заботилась, как он того хотел... и потому он утешался на стороне...?

Черт, Саша! Сейчас не время для рефлексии!

Ирина Сергеевна открывает папку и смотрит на нас обоих долгим взглядом внимательно и серьезно. Несмотря на явный лишний вес, у нее довольно худое лицо с впалыми щеками...

Интересный контраст.

— Ситуация сложная, — начинает она. — Мать ребенка, Анна Викторовна, не написала официальный отказ от малыша сразу после родов. Она просто сбежала после родов. Спустя буквально четыре часа. Она подвергла риску себя и своего ребенка. Соответственно, у нас нет никаких данных ни об отце, ни о ее месте расположения. Удалось отыскать лишь ваш контакт, Владислав. И ваш контакт, Александра, Анна оставила сама. Вот записка, — Ирина Сергеевна подает мне клочок бумаги, упакованный в пластиковый пакетик на вакуумной застежке.

— Ясно, — флегматично реагирую.

— Я вынуждена задать вам некоторые вопросы. Вы согласитесь на них ответить?

— Смотря какие вопросы, — ледяным тоном отзывается Влад. У меня снова бегут мурашки от его раскатистого хриплого баритона.

— Зачем вообще нужны какие-то вопросы? Я приехала сюда, чтобы написать заявление. Что там от меня нужно? Вы говорили про пояснения...

— Для них и нужны вопросы.

— Просто дайте лист бумаги и ручку.

Не собираюсь я тут откровенничать.

Ирина Сергеевна вздыхает.

— Прежде, чем вы напишите объяснительную, я обязана показать вам ребенка.

— Это еще зачем? — Влад хмурится еще сильнее.

— Не собираюсь я на него смотреть, — отрезаю.

— Такой протокол. Извините.

— Да какой к черту протокол? Для меня это чужой человек.

Глава 8: Выхода нет.

— Такой протокол. Извините.

— Да какой к черту протокол? Для меня это чужой человек.

Ирина Сергеевна смотрит на меня так, словно у меня рога на голове выросли. С осуждением даже каким-то...

А я не собираюсь играть в вежливость. У меня нет на нее сил. И желания тоже. Я сюда приехала вообще в качестве одолжения и только потому, что не хочу потом ехать в ментовку.

Я чувствую, как Влад обращает ко мне свой взгляд.

Дада, твоя сестричка трахалась с моим мужем. Хавай это вместе со мной.

— Но вы же знаете мать ребенка?

— Не знаю и знать не хочу.

— Александра, — Ирина Сергеевна терпеливо приподнимает руку. — Понимаю ваше возмущение. Но сейчас решается судьба маленького ребенка, который еще не в состоянии о себе позаботиться. Это должны сделать мы.

— Кто «мы»? — вставляет Влад.

Я резко оборачиваюсь на него. Видимо, под «мы» Ирина Сергеевна подразумевает органы опеки, но я не могу прекратить думать «я и моя шиза».

Я же прекрасно понимаю, что мне строго запрещено сейчас вообще иметь контакт с маленькими детьми...

— Мы - это я и другие сотрудники органов опеки...

Ну, вот, а я о чем.

— По закону я обязана действовать в интересах ребенка. Ему нужна семья и забота. Если никто из вас не согласится взять его, мы будем вынуждены передать его в дом малютки. Это крайняя мера и обычно мы стараемся ее избегать.

Во взгляде этой женщины мелькает надежда, но она тут же ее старательно маскирует. Я молчу, не в силах произнести ни слова. Какими тут вообще словами можно описать, что я чувствую?

Ситуация с этикеткой «писец».

Это про меня.

Просто бред какой-то. Как будто попала на реалити шоу и там зрители накидывают, как бы так завернуть сюжет, чтобы участникам все сложнее и сложнее было проходить их дурацкий квест.

Только никакого шоу нет. И закончить квест нельзя.

Это не квест. Это жизнь.

И внутри меня бушует целый ураган из эмоций: ярость, отчаяние, обида, боль, вина и жалость к этому ребенку.

Ведь я понимаю, что он не виноват абсолютно ни в чем. Он просто родился. И ему не повезло с мамашей. Да и с отцом тоже...

— Я все-таки настаиваю на том, чтобы вы посмотрели на ребенка. Это стандартная процедура.

— Нет, — синхронно отвечаем мы с Владом и тут же смотрим на друг друга. Я хмурюсь и отворачиваюсь.

Ирина Сергеевна поджигает губы и молча открывает ящик в своем столе.

— Тогда вот ваши бумага и ручки. Вы должны написать объяснительную, в которой подробно опишите, кем приходиться матери и ребенку. Александра, вы должны уточнить, почему именно ваш контакт, по вашему предположению, оставила Анна. И затем напишем заявление под мою диктовку. На отказ от ребенка.

Я беру ручку и смотрю в чистый лист.

Ирина Сергеевна помогает заполнить шапку, но дальше я сижу и туплю.

Господи, что писать-то? Это даже в мыслях звучит бредово. А рассказывать это кому-то письменно или устно еще более жутко...

Что мне писать?

Юная идиотка повелась на здорового мужика, залетела от него, он погиб, а потом она решила, что оставить ребенка на его законную жену - идея супер. Так что ли?

Ведь не зря она оставила именно мой номер!

Не брата, ни отцовский, ни других знакомых. А именно мой!

Ну, и наглая же... Даже цензурных слов нет, чтоб описать, кто она такая. Как вообще Виктор допустил, что она выросла такой?! Хотя о чем это я вообще?!

Он воспитал своего сына так, что тот сам добровольно побежал в армию, лишь бы только получить толику одобрения своего отца, бросив при этом ту, что любила его.

Невольно кошусь на Влада, который сосредоточенно пишет на своем листе свою версию событий...

Он такой большой, что выглядит неуместно, сидя на местном маленьком стуле. И я себя на его фоне тоже чувствую маленькой.

Как и всегда...

Я ведь правда любила его. Всей душой. Я не могла без него... Настолько, что когда он свалил в свою армию, я смирилась. Смирилась и ждала его весь тот чертов год!

И я писала ему письма... Которые все вернулись ко мне обратно. Их никто не забрал.

Мне пришлось научиться без него жить. Но это была не жизнь. Чистое существование. Я просто делала все для своей лучшей жизни, добивалась. Потому что так надо. Ушла в работу. Отвлекалась.

Увлекалась... Как например, Артуром. Просто это увлечение зашло слишком далеко.

И так было до тех пор, пока я не увидела две полосы. Только тогда в моей жизни появился настоящий смысл! Жажда к жизни.

А Влад просто оставил меня. Несмотря на то, что я умоляла его отказаться. Откосить. Сделать хоть что-нибудь, чтобы не уходить в эту проклятую армию. На примере его отца я знала, что делает армия с мужчинами... Я не желала такой участи Владу.

Я не хотела, чтобы он стал своим отцом.

Но видимо, это проклятие всех людей на планете земля. Мы впитываем повадки наших родителей и с возрастом становимся их копиями.

Влад замечает, что я на него смотрю. Чуть оборачивается. Взглядом пробегается по моему лицу, словно ищет что-то, а потом замечает мой белый лист... Снова смотрит мне в глаза.

Я вижу, что он хочет что-то сказать и отворачиваюсь.

Пишу, как есть.

«Юная девчонка повелась на речи взрослого мужика, который являлся моим мужем, залетела от него. Муж, то есть отец ребенка, погиб. Горе-мамка решила, что оставить ребенка на его законную жену, то есть на меня, Александру Михайловну Юста, идея супер»

Это моя правда. Не собираюсь приукрашивать.

Когда мы расправляемся с объяснительными, мы так же дружно пишем заявление на отказ под диктовку Ирины Сергеевны.

После чего она поднимается и открывает дверь.

— Не удивляйтесь, если вам снова позвонят. Могут возникнуть дополнительные вопросы. Не сбрасывайте, пожалуйста, звонки.

— Я по-вашему совсем конченный? — не сдерживается Влад.

— Ну, вы же отказались от племянника, — флегматично жмет плечом Ирина. А я хмы-
каю.

Жестко. Но справедливо.

— Я отказался от него, потому что у меня уже есть на по печении один ребенок, —
отрезает Влад.

Меня прошибает потное удивление, и я вскидываю на него взгляд. У него есть ребенок?!
Его ребенок?! Родной?!

— Если передумаете, всегда можете позвонить мне, — Ирина Сергеевна как ни в чем ни
бывало обращается к нам обоим.

— Угу, — киваю на автомате, пялясь в затылок Влада, и выхожу следом.

Ирина Сергеевна закрывает дверь. Мы прощаемся и идем на выход. Я чуть впереди, Влад
позади. Я слышу его дыхание и звук жесткой подошвы по дешевому линолиуму. Я ускоряюсь,
желая оказаться как можно дальше и от него, и от этого места.

Хватаюсь за ручку, дергаю и...

...Тут дверь не открывается.

Выход заперт.

Выхода нет...

Глава 9: Вон тот ваш.

Саша.

Я дергаю ручку раз, другой, но дверь не поддается.

— Класс, — оборачиваюсь и натыкаюсь на тяжелый взгляд Влада. — Что?

Он сосредоточенно смотрит, руки в карманах кожаной куртки.

— Идем. Здесь должен быть другой выход, — Влад говорит тихо, словно боится кого-то разбудить.

— Зачем мне другой? Этот открыт должен быть.

— Сейчас разберусь, — он разворачивается и идет обратно. Я остаюсь. Снова пробую дернуть дверь. Глупо.

Дверь не поддается.

Влад возвращается с Ириной Сергеевной через пару минут.

Она тоже дергает дверь, но нисколько не удивляется.

— Такое бывает. Замок заедает. Идемте, я провожу вас через другой ход.

Я не отвечаю.

Иду за Ириной Сергеевной. Влад идет следом, и я ощущаю его взгляд на себе, но не поворачиваюсь. Мы проходим по длинному коридору, сворачиваем пару раз и снова движемся по длинному коридору с дверью в тупике.

Ирина Сергеевна открывает дверь одним из ключей в связке и пропускает нас вперед.

Я делаю шаг, двигаясь вперед без задней мысли, но тут же замираю. Я ухватываюсь за стенку, потому что ноги вмиг становятся чужими. Не шевелятся, не слушаются.

Я словно превращаюсь в соляной столб.

Дети...

С левой стороны находятся младенцы. Там, за стеклом, в специальных прозрачных кюветах лежат малыши. Некоторые спят, другие плачут, а две медсестры заботливо проверяют их состояние.

— А другого пути не нашлось? — раздается жесткий голос Влада, и я вздрагиваю.

Возвращаюсь в реальность, хочу оглянуться, но не могу оторвать взгляда от маленьких розовеньких комочков.

У меня даже вздохнуть нормально не получается. Словно кто высосал из меня весь воздух. Сердце начинает наматывать круги, захлебываясь кровью.

— Не нашлось. Это же вам не проходной двор. Скажите, спасибо, что вообще провожаю.

— Спасибо? Нас вообще не должны были здесь задерживать. Могу вернуться и помочь вам с вашим дверным замком. Выбью его к чертям, тогда и повод найдется наладить, — голос Влада вибрирует в коридоре сдержанным рокотом, отражаясь от стекла.

— Не разговаривайте со мной в таком тоне. Я не виновата, что замок заело. Я вообще делаю вам одолжение. И что вы так злитесь? Это всего лишь дети. Даже не ваши. Хотя... — я кидаю на нее резкий взгляд. Она как будто невзначай всматривается в поле младенцев... — Вон тот ваш. Здоровый, крепкий парень.

Ирина Сергеевна тычет пальцем с фиолетовым маникюром на кювет в среднем ряду.

Там лежит ребенок, который почти ничем не отличается от остальных младенцев...

Они по началу все похожи друг на друга...

Мой тоже был таким же... Такой же маленький, сморщенный комочек, что еще не мог открыть глазки. Он плакал и трепетно прижимался ко мне, жадно сосал грудь...

Как будто фантомный болью моя грудь как раз начинает ныть. Как будто в ней снова есть молоко. Как будто сейчас нужно кормить Киришу.

Я смотрю на этого младенца и не могу оторвать взгляд. Мое сердце рвется на лоскуты.
«Здоровый, крепкий парень»?

Да он же маленький, беззащитный и... Одинокий.

У меня глаза наполняются слезами помимо воли. Он такой же одинокий, как я. Он не виноват, что его мать бросила. Он не виноват, что его отец был моим мужем. Он не виноват, что я потеряла своего ребенка и не могу теперь даже смотреть спокойно на младенцев.

Когда вижу детей у меня внутри душа рвется. Точнее, ее остатки.

Вот прям как сейчас. Желудок встал колом, солнечное сплетение пульсирует, сердце давит...

Слезы горячими дорожками текут по щекам сами, но я даже ни разу не всхлипываю. Даже не моргаю. Я просто таращусь на младенца в кювете, не желая его видеть, но и не в силах отвести взгляд.

— Вы специально нас сюда завели? Дверь закрыли, чтоб показать его? Пытаетесь навязать насильно? — цежу, кидая жесткий взгляд на сотрудницу опеки.

— Девушка, да кто вам что навязывает? Идите себе дальше, куда хотите! Вы ж сами тут стоите. Я вас держу что ли? Хоспаде, как лучше сделать хотела, но вечно крайней оказываюсь. Да еще и оправдываться заставляють!

— Не оправдывайтесь, — сухо отзывается Влад, тоже глядя сквозь стекло на ребенка. На челюстях играют желваки, вены на шее вздулись, руки сжимает в кулаки...

Влад злится. Я его понимаю. Эта злость частично совпадает с моей. Только все равно она теряется на фоне тупой боли, что вновь просыпается в моем солнечном сплетении. У меня будто все нервы стягиваются в одну точку. Наматываются на ребра вперемишку. И дергают, дергают, дергают... то в руке, то в ноге...

— До свиданья, — отрезаю и срываюсь чуть ли не на бег.

Прочь. Скорее, скорее из этого кошмара!

Дверь, коридор, снова коридор... этот лабиринт кажется мне бесконечным. Особенно, когда перед глазами пелена из злых слез.

Люди какие-то, вывески - все мимо!

Вижу выход. Тяжелая белая дверь с прозрачной вставкой из стекла. Наваливаюсь на нее, толкаю и... Слава Богу! Открыто!

Я вырываюсь на свежий воздух. Глотаю его словно не дышала вовсе целый год.

Я останавливаюсь на небольшом условном крыльце на пару секунд. Перевести дыхание. Нужно вернуть контроль, а то внутри такой беспорядок в мыслях, что атас...

Щеки горят, словно кто-то прижег их утюгом. Глаза тоже пылают от невыплаканных слез. Я стираю их, не даю им волю.

Хватит. Я не должна больше расклеиваться. Да, мне больно. Эта боль душит меня изнутри, но я не должна этому поддаваться.

Не должна...

Нужно жить дальше. Нужно жить!

— Саша, — от этого голоса у меня только еще больше все вскипает. Решительно разворачиваюсь, готовая на все.

— Чего тебе?

Влад смотрит на меня хмуро. Брови сдвинуты, губы поджаты, а светлые серые глаза смотрят с каким-то понимающим сочувствием.

Вот уж не надо! Обойдусь без жалости к себе.

— Мне жаль, — он смотрит на меня изучающе, словно не просто разглядывает, но смотрит прямо мне в душу. Словно он видит больше, чем просто заплаканную злую женщину. Словно впитывает меня.

— Мне твоя жалость не нужна. Лучше найди свою сестру. Она украла у меня портсигар.

— Портсигар? — недоверчиво уточняет.

— Да. Она выпрашивала у меня денег и сбежала, прихватив мой портсигар. Серебряный.

— Это для тебя так важно? — он меня не понимает. Вглядывается мне в лицо, дотошно выискивая что-то.

— Да, блин, важно, — чуть ли не рычу, ощущая себя маленькой плаксивой девочкой на фоне такого большого и спокойного медведя. Я не хочу чувствовать себя такой. Не рядом с ним... Но увы. Ничего не могу с собой поделать. — Она итак украла у меня слишком много, чтобы я спустила ей все на тормозах. Пусть вернет портсигар, иначе я, клянусь, сама достану ее из-под земли, а потом в эту землю закопаю обратно собственными руками!

Глава 10: Взорвал, взломал, разбил.

Саша.

Я лечу домой на всех парах моей горячей пятой точки. Я сама отдаюсь этой злости. Добровольно сдаюсь в плен врага, так сказать. Лишь бы не чувствовать боль. А злость отлично ее маскирует.

По-крайней мере пока.

Все рано или поздно заканчивается. И я точно знаю, что моя злость скоро пройдет, эмоции от этого утра утихнут и я снова скачусь в омут переживаний.

Понимаю, что это надо как-то решать. К психологам обратиться что ли... Да только не верю я в этих психологов! Шарлатаны, что вытягиваюсь из тебя деньги.

Они делают вид, что слушают тебя. Сидят, кивают, задают какие-то задачки, тесты, вопросы... А потом: «С вас пять тыщ» и улыбаюсь сладенько. Вежливо так.

Вымогатели да и только. Нет, я конечно, допускаю, что есть хорошие специалисты. Не все же из них аферисты доморощенные. Но... Это нужно искать. Сменять одного человека за другим, пока не найдешь своего.

И каждому при этом нужно выворачивать душу. Объяснять.

Каждый раз одну и ту же историю... каждый раз проживать ее заново, рассказывая незнакомым людям, которым на тебя, по сути, плевать.

Я сомневаюсь, что даже один раз выдержу эту пытку. Я даже подругам рассказать не в силах. Я когда была вынуждена пояснять Нике, почему не смогу прийти на ее свадьбу, едва смогла вымолвить «Артур и Кирюша погибли, я не смогу прийти».

А тут... Надо будет все до мелочей рассказывать, чтобы был толк... Это чересчур. Сына они мне не вернут, а по другому как это все решить? Никак!

Я так привыкла сражаться со всем в одиночку, что теперь не верю никому.

Зло усмехаюсь, вцепившись в руль.

Я была замужем... Замужем, черт бы тебя задрал, Артур! Чтоб тебе там аукнулось на небесах, если они существуют.

Была замужем, а жила как будто одна. Все сама тянула.

Я ведь даже не помню, чтоб Артур толком заботился обо мне. По началу, да, он долго добивался того, чтобы я его приняла. Цветы, подарки, прогулки под звездами. Но это длилось ровно до того момента, как я его приняла.

Мы как-то сразу съехались, не стали тянуть. И все... пошла жизнь домашняя. Бытовая.

От которой я тут же взвыла буквально через пол года наших отношений. И как бы я не пыталась донести Артуру, что мне хочется от него внимания, ласки, какой-то хоть минимальной заботы... Все, как об стенку горох.

Как сейчас помню - я ему и завтрак в постель делала. И массаж, когда он уставал. И дома убираться старалась, хотя я тоже работала как и он!

Не готовила, разве что. Так это потому, что некогда было. Просто не успевала.

Он долго меня добивался.

Точнее, он долго боролся с образом Влада в моей голове, сам того не подозревая. Я не хотела никого подпускать к себе. Потому что никто не был Владом.

Его нельзя заметить...

И сегодня я в этом лишь убедилась еще раз. Тоже тот еще засранец!

Нет, ну, каков нахал! Свалил в свою армию, выбрав ее, а не меня. Игнорил мои письма, наплевал на то, что я ждала его целый год, несмотря на игнор, а теперь выдает...

«Мне жаль»

Чего жаль-то?!

Жалко у пчелки в жопке.

Лучше бы извинился. Хотя мне и не нужны его извинения. Они уже ничего не исправят, но... Это чисто по человечески было бы правильно.

Но ему жаль...

Да, мне тоже жаль. А толку-то...

К моменту, как переступаю порог дома, злость меня отпускает. Я думала, что я тут же упаду на дно боли, меня накроет какой-нибудь эмоциональный откат, но...

Нет.

Все, что я чувствую, это усталость. Во мне ничего не остается, кроме нее. Ничего.

Я просто сажусь на диван и застываю, думаю, чем заняться. По-хорошему, надо бы вернуться в студию и продолжить тренировки, но у меня нет на это сил.

Я понимаю, что не хочу туда идти и прыгать. Поездка в роддом выжала меня до суха. А встреча с Владом добила.

Телефонный звонок выбивает меня молчаливых раздумий. Смотрю - Ника. Тяжело вздыхаю и принимаю звонок.

— Алло.

— Привет, Саш, — голос подруги осторожный, чуть вопросительный. Наверно, она не знает, как со мной говорить. Да, я бы тоже не знала.

— Привет, Ник.

— Можно у тебя перекантоваться пару дней? Извини, что дергаю. Не хотела, но Олеська в Сочи и мне больше н...

— Без проблем, — отвечаю, а в груди вспыхивает какая-то странная смесь из эмоций. Я вроде не хочу никого видеть, но и одной быть не хочется. Эта тоска съедает меня, а мне не хочется ей поддаваться. — Приезжай. Я дома.

Хорошо, что Ника объявляется. Мне будет на кого переключиться.

— Ты не в студии?

— Нет. Взяла пару выходных.

Действительно, а почему бы нет? Все-таки, чья это студия? Правильно, моя. И я имею право на несколько законных выходных.

— Оу... Слушай, если я не вовремя, ты скажи и я лучше в отель тогда...

— Бляха, Ник, не страдай фигней и приезжай. Мне не мешает компания.

— Хорошо. Спасибо. Скоро буду.

Она отключается очень быстро. Наверно, боится, что я передумаю.

Хмыкаю и достаю сигареты. Задумчиво закуриваю и выдыхаю дым, ощущая, что это не просто выдох, а какой-то общий.

Мне становится легче от мысли, что ко мне приедет Ника. Мы давно не виделись.

Интересно, что там у нее стряслось? Хотя, что может случиться, если подруга просится перекапываться пару дней?

Очевидно, разругались с Ильей. И Олеся в Сочи. Что она там забыла? Что-то я совсем выпала из жизни и даже не знаю, что происходит с подругами.

Надо это исправлять...

Все надо исправлять.

И я исправляю по мере своих сил. Когда приезжает Ника, мы говорим. Это уже прогресс. Я общаюсь с человеком дольше пары минут по собственной воле и даже с искренним интересом.

Считаю, можно считать это первой ступенькой в долгом пути к восстановлению.

Когда я слышу голос Ники на кухне, я думаю, что она зовет меня. Тушу окурков в полной пепельнице и иду к ней. Но по мере приближения понимаю, что она говорит по телефону.

— Спроси меня, Илья. Спрашивай.

Я даже замираю. Хоть подслушивать и не хорошо, но жесткие ноты в голосе Ники меня удивляют. Я не помню, чтобы за последнее время она была такой... Стервой.

— О, как я рада, что ты решил поинтересоваться, милый. Знаешь, когда я встретила с Романом Давидовичем, я сразу поняла, почему вы с Лилией так не хотите, чтобы он узнал о вашей связи. Он опасный тип. По-настоящему, опасный. Не то что ваш слащавенький Амир, которого вы подослали ко мне с Олесей.

Да у нее оказывается тоже не все так гладко, как мне представлялось... Слушаю дальше, раз предоставилась такая возможность. Потому что я даже не знаю, какие ей вопросы задавать, чтобы понять, что творится в ее жизни.

Наверно я хреновая подруга, раз даже такой элементарщины сделать не могу.

— ...знаешь, что. Ваш план-капкан провалился, — продолжает Ника отчетливо со злым придыханием. — Ты все надеешься на то, что за тебя сделают всю грязную работу, Илюшенька? Хотел чужими руками удалить компромат на себя и создать на меня?

Пауза. Илья ей что-то отвечает... Эх, а я так надеялась, что хотя бы у Ники семейная жизнь сложится удачно. Из нас троих она подавала надежды больше всех. И ведь я была уверена, что она счастлива, и что их брак... ну, как из тех легенд про парочки, что доживают до бриллиантовой свадьбы.

Но, видимо, даже такие счастливые с виду браки, являются не более чем иллюзией.

— А мне кажется, что я попала в точку. Только ваш жалкий Амир не справился. Ему даже виагра не помогла. Он такой же жалкий как ты. Поэтому я трахнулась с другим. Я выбрала настоящего мужика и трахнулась с ним. И он был хорош. Господи, как он меня...

Она снова замолкает, но не надолго... А Ника хороша. Интересно, она так круто врет или действительно с кем-то покурлесила в Сочи?

Что ж там Илья сделал-то? Изменил ей что ли?

По разговору понимаю, что да. С какой-то Лилией.

Тогда понятно...

Оказывается, мы с ней в одной лодке. Понимаю, подруга. Ой, как понимаю...

И несмотря на то, что нас свели не самые лучшие события, я все же рада, что Ника сейчас со мной. Мне становится немного легче.

И когда она съезжает через несколько дней, я уже не чувствую всеобъемлющей тоски, которая замораживает и руки, и ноги, и сердце, не давая ничего делать.

Я возвращаюсь на работу, потому что нужно двигаться дальше. Движение жизнь. Вот и посмотрим, куда это движение меня заведет.

— Наверно, мой ангел хранитель - это Сусанин... И заведет он меня в болото, — бормочу, видя за окном паркуется незнакомый байк, но сидит за его рулем вполне знакомая фигура.

У меня за спиной скачут девчонки под новый хит, взорвавший соц сети, а в груди начинает скакать сердце от вида мужика, который когда-то взорвал мне мозг, взломал душу и после этого в дребезги разбил сердце.

Что ему еще от меня понадобилось? Да так скоро. После нашей встречи в роддоме прошло всего ничего.

Глава 11: Я не отступлю.

Влад.

Руки по локоть в масле и я все никак не могу добраться до чертовой раковины, чтобы смыть его. Тряпкой прошелся и только.

Все мысли заняты тем, чтобы найти Аньку.

Наворотила, конечно, моя сестренка делов. Молодец, ничего не скажешь. Я-то думал, что в нашей семье хоть из нее выйдет толк. Она ведь подавала надежды. По крайней мере, так было, когда я уходил в армию.

А дальше...

А дальше мы все обожрались. Вот что было дальше.

Я сжимаю мобильник, экран которого гаснет после очередного бесполезного звонка. Снова тупик. Снова ничего. Я уже несколько дней подряд ищу Аню через всех, чьи контакты смог откопать.

Столько лет прошло, многие номера подменили. У многих уже свои семьи и дети, а я пытаюсь отыскать призраков прошлого, чтобы выяснить, где, блин, моя сестра!

Даже - вот нонсенс-то! - зарегистрировался в соцсетях, которые я всегда презирал. Пришлось отобрать ноут у вопящей Женьки, но что поделать... Этот вопрос важный.

Бредовый какой-то. Но важный.

Да только от этих соцсетей толку никакого так и не вышло. Только поднялось раздражение и появилось ощущение собственной беспомощности.

Жизнь на гражданке оказалась еще большим испытанием для меня, чем все годы службы вместе взятые.

Вот там все просто - тебе отдают приказ, ты выполняешь. Сначала так и было. Потом это уже стало моей задачей - приказы отдавать. Задача усложнилась. Но... здесь. Здесь это вообще полный хаос!

Чем тут отец вообще занимался, пока меня не было? Почему все пошло по одному месту?!

Хотя... Вопрос риторический. Чем занимался... Собой, конечно. Своей карьерой.

Стискиваю зубы и все-таки жму на нужный контакт. Как же отчаяние ненавижу. Оно заставляет идти на любые шаги.

— Довбор у аппарата, — раздается хриплый сдержанный голос.

— Здравствуй, отец.

Секундная заминка.

— Влад? — я бы решил, что он озадачен, но уж больно тон спокойный. — Вот так сюрприз.

— Ага, на что только не пойдешь, чтобы разобраться в жизненно важном вопросе.

— Да уж. Ну, и что случилось?

— Аню ищу. Она случайно не у тебя?

— Хах, вот уж нет. Эта загранка, ровно как и ты, совершенно не думает о своем старике.

— Вот так сюрприз, да?

— Не разговаривай с отцом в таком тоне.

— Да без проблем.

Я сбрасываю звонок. Усмехаюсь, чувствуя как внутри закипает злость.

Наши отношения давно перестали быть теплыми. Они именно что родственные. Просто родственные. И больше никакие. Если б не тот факт, что он меня породил и вырастил, даже

несмотря на то, что с матерью они развелись давным давно, я бы с ним ни за что не стал общаться. Наличия одной фамилии - не достаточно.

Теперь наши отношения напоминают мне холодную войну. Каждый разговор как очередная битва, в которой нет победителей.

Я закрываю глаза, вспоминая себя восемнадцатилетним юнцом, стоящим перед дверью военкомата. Тогда я был уверен, что поступаю правильно. Что мое решение заставит отца гордиться мной.

Я думал, что армия сделает из меня мужчину, достойного уважения отца... Я хотел, чтоб он хоть раз посмотрел на меня с гордостью. Чтоб хоть раз сказал, что гордится тем, что я его сын. Я был готов отказаться от всего, лишь бы заслужить его одобрение.

Я и отказался...

Какой же я был идиот.

Армия сделала из меня мужчину. Но уважение отца я так и не получил.

Ничего не получил, кроме травм, одиночества и озлобленного на весь мир ребенка, с которым мне приходится как-то теперь уживаться. Мне нужно как-то теперь с ней найти общий язык. И постараться быть для нее отцом. Не таким, каким был мой для меня.

И я пока понятия не имею, как это сделать.

Плюс ко всему... есть еще одна... Проблема.

Саша.

Она моя личная вендетта. Моя самая большая ценность и ошибка.

Я сжимаю кулаки, чувствуя, как внутри снова поднимается горькая волна сожаления. Я помню тот день, когда сказал Саше, что ухожу в армию, чуть ли не поминутно.

Помню ее глаза, в которых еще плескалась надежда и как эта надежда постепенно умирала, встреча мое упрямое упорство.

Баран. Тупорылые баран, блядь!

Она просила меня остаться. Говорила, что любит. Что мы справимся со всем вместе. Она умоляла остаться, а я отвернулся.

Я был глух и слеп, одержимый идеей доказать отцу, что я чего-то стою.

Я потерял единственного человека, что любил меня таким, какой я есть. Точнее, был.

Того Влада уже давно нет. Сдох на просторах ближнего востока. В погоне за тупым одобрением я потерял все самое дорогое, что у меня было.

И только спустя год, я понял, что все мои старания были напрасны. Я отслужил этот чертов год. Натерпелся такого, о чем даже не мыслил, когда отец восторженно рассказывал о военной службе.

Наивный тупой идиот.

И что сказал отец?

«Старший сержант? Можно было лучше»

И это при том, что обычно за стандартный год службы без напрягов обычно получали лишь младшего сержанта. Я же умудрился дослужиться до старшего.

А мне за это досталось «можно было лучше».

В последствии, в холодных казармах, среди чужих людей, которые позже стали мне братьями, я понял, какую ошибку совершил. При том, что вернуть уже ничего нельзя было. Я понял, что отец никогда не будет мной доволен, что бы я не сделал. Ему всегда будет мало. Я никогда не стану для него достаточно хорошим.

И в этом я оказался прав.

Я понял, что потерял Сашу зря. Я пытался жить без нее, пытался ее заметить кем-то другим... Но ничего не вышло. Ее нельзя было заметить. Я не смог. Потому что, увы, никто не Саша, кроме самой Саши.

Но при этом я снова ошибся. И теперь результат моей ошибки живет, озлобленная на меня, в моей же спальне.

Вот так вот.

В попытках получить одобрение отца я добился к тридцати трем годам своей жизни звание подполковника, раннюю отставку, двух несчастных представительниц прекрасного пола и свое одиночество в придачу.

Шикарно, Влад. Просто молодец. Большой палец вверх. Во!

Я открываю глаза, чувствуя, как сердце снова болезненно сжимается. Я думал, что время залечит эту рану, как рану на моей тупой башке. Но стоило мне увидеть ее снова, как все чувства вернулись обратно. Да еще и с новой силой.

Теперь, когда Артура нет, у меня еще и надежда появляется. И я не собираюсь отступать. Я буду конченным, если упущу этот шанс.

Хрен знает, как, но надо вернуть ее. Мы итак упустили столько лет, что могли быть рядом.

Ждать больше не могу. Сашке должно было хватить этих нескольких дней, чтобы немного остыть. Понимаю, что ей сейчас не просто, но жизнь в одиночестве уж точно ей не поможет, так что больше я не собираюсь выдерживать дистанцию.

Хочу видеть ее. И не только потому, что она последняя, кто видел и разговаривал с Анькой.

Мне нужно услышать ее голос, почувствовать рядом. Иначе свихнусь. Я хочу вернуть себе обратно ту, которую потерял по собственной дурости много лет назад. Только действовать нужно осторожно.

Я наскоро вытираю и мою руки, накидываю куртку и закрываю дверь. На улице сегодня тепло, но за рулем «триумфа» будет не жарко. Да и плевать. Не замечая ничего, лечу в центр.

В голове мысли только о Сашке. О ее руках, голосе, глазах. Желание снова ее касаться – дикое. Хочу снова иметь возможность ее обнимать и любить.

Только вот как это заслужить обратно?

Задача не из простых. Но где наша не пропадала, да, Довбор? Как говорил один мой любимый персонаж: «Крякнем, плюнем и надежно клеим скотчем».

Склеим обратно, понял, Довбор? Склеим.

Я не буду собой, если отступлю.

Глава 12: Выбор.

Саша

Я вижу как Влад паркуется и стаскивает черный шлем. Громоздкая мотоциклетная куртка из грубой кожи делает его фигуру еще более мощной. А ведь он итак не маленький...

Стискиваю зубы.

С годами он стал только еще более привлекательным...

Он смотрит прямо на меня сквозь стекло. Глаза светлые, взгляд тяжелый. Он не перестает хмуриться.

Делаю отмашку девчонкам на десятиминутный перерыв, а сама выхожу на улицу. Окунаюсь в жар набирающего обороты июня. Я итак потная после тренировки, а в этой духовке становится еще только хуже. Капля пота скатывается по лопаткам и впитывается в черную майку-топ для танцев. Солнце печет лицо, и я прикрываюсь от него ладонью.

Скоро будет еще жарче. Ух... ненавижу жару.

— Что ты здесь делаешь?

— Привет, Саш, — приятным низким голосом отзывается Влад. Сдержанно и как-то настороженно. Словно выискивая во мне что-то.

— Привет, — киваю, — так что тут забыл?

— Поговорить надо.

— Я не хочу с тобой говорить.

— Но ты же сама просила найти твой портсигар. Я всего лишь выполняю твою просьбу.

Я вытираю пот со лба, оборачиваюсь на студию и вижу: девчонки плятятся. Блин...

— Не сейчас. После тренировок подъезжай.

— Это во сколько?

— После десяти.

— Будет сделано, — кивает, одобрительно поджимает губы, пытаюсь тем самым скрыть улыбку.

А я чувствую, что только что сама чем-то ему угодила. Бляха муха...

Влад примеряется к шлему, надевает его, а я возвращаюсь обратно в студию.

И вот ведь он гад! Я же весь оставшийся день так и не могу нормально сосредоточиться на тренировке.

Вне зависимости от того, насколько сильно я злюсь на него, а все равно жду...

Эти чувства не подвластны мне. Они рождаются в груди плотной вибрацией. Грудь сдавливают от какого-то сладкого предвкушения, как когда-то очень давно...

Я слишком давно не испытывала подобных чувств, чтобы так легко от них отмахнуться. И сколько бы я не старалась задавить эти чувства в себе. Сколько бы не напоминала себе, что я не имею права сейчас радоваться и быть счастливой, они все равно настойчиво пробивают мое сердце, сбивая его ровный ритм.

— Предвкушаешь, да, булочка моя? — раздается ехидный голос сзади, и я вздрагиваю. Оборачиваюсь.

Опять он! Я же с ним покончила!

— Покончила? Хм, — Артур вновь стоит, облокотившись о зеркало плечом. Как всегда - рубашка, пиджак на широких плечах, идеальные брюки с наглаженными стрелками... идеальный во всем. — От меня просто так не избавиться, сладкая. Тем более, мы же оба знаем, с кем именно ты борешься. Борьба с самим собой всегда самая тяжелая, да, моя хорошая?

Я стискиваю зубы до боли в челюстях. Нельзя поддаваться.

— Уходи. Ты не заставишь меня вновь поверить в свою вину.

— А зачем заставлять? Это факт. Есть логика, булка моя, есть факты. А есть эмоции. Так вот, ты всегда руководствовалась лишь эмоциями. Но против фактов не попрешь, родная.

— Уходи, — цежу. — Мне не до тебя и твоих логичных фактов. Засунь их себе в задницу.

— А, — он ухмыляется, глядя себе через плечо. Я тоже смотрю туда, куда смотрит Артур. Вижу и слышу - к студии снова подъезжает мотоцикл. — Ну, да, да, ты как всегда занята. Не им ли? Как всегда, выделяешь его, наплевав на меня.

— Ты сдох. И поделом тебе. Ты не достоин ни толики моего внимания, понял?

— А как же Кирюша? Он достоин того, чтобы ты о нем вспомнила? Или только Влад этого достоин? — Артур едко улыбается. — Подумай об этом, малышка.

Сердце пронзает боль, оно сбивается с ритма. Грудь сдавливает.

Я пронзаю Артура взглядом полным ненависти. Надеюсь, она до него дойдет. И ничего не отвечаю. Отворачиваюсь. Вырубаю везде свет и выхожу, накинув на плечи черный летний жакет.

Сердце отбивает ритм, когда я выхожу на крыльцо и закрываю дверь. Руки дрожат, и я не сразу попадаю ключом в замочную скважину.

Спускаюсь по паре ступенек. Смотрю вперед. Влад стаскивает с себя шлем и рукой пытается придать волосам более менее презентабельный вид, судя по всему. Только если до этого они были прилизанными после шлема, то теперь встали торчком.

От этого он становится еще более обаятельным. Разве что наличие шрама на лице все портит. И я не про его внешность, а... Жутко просто становится, как представляю, что с ним случилось...

— Ничего, живой же, в отличие от нас с Кирюшей, — доносится до меня глухо из-за стекла студии громкий голос Артура.

Я невольно оборачиваюсь, злобно глядя, как он ухмыляется, а затем разворачивается и уходит вглубь студии.

— Все нормально? — голос Влада приводит меня в чувства. Я возвращаю к нему взгляд и восстанавливаю дыхание.

Злость буквально кипит во мне. И я пытаюсь ее сдерживать, но получается плохо.

— Нет, — отрезаю, пытаясь сменить тему. Нужно срочно отвлечься!

— Понял. Тогда поехали, — Влад протягивает мне второй шлем.

— Вот еще! Садиться на эту дьявольскую штуку? Я похожа на самоубийцу? Да к тому же ты выглядишь как пугало, пахнешь, как псина гаражная, но почему-то в твоём исполнении это очаровательно. Где ты вообще этому научился?

— Там же, где ты училась делать комплименты. Они больше похожи на оскорбления, — ухмыляется Влад, пропустив мимо ушей мой злобный тон. Словно я и впрямь ему сделала комплимент.

Блин...

А я сделала?!

Черт... у меня не было такой цели.

— Я серьезно. Как у тебя это получается?

Он жмет могучими плечами. Кожа куртки едва слышно скрипит. Я стою в шаге от него и все равно чую, как он него тянет запахом машинного масла, бензина и еще чем-то... Сладко знакомым. Родным...

Черт. Черт. Черт!

— Наверно так выглядят и пахнут все, кто целый день ковыряется в машинах.

— Ты ковыряешься в машинах?

— Почти. В мотоциклах.

— У тебя всегда была какая-то романтизированная тяга к различным способам сдохнуть, да, Влад? — указываю на его здоровенный мотак и не удерживаюсь от язвительности, намекая на его решение свалить в армию. — Ну, и как тебе? — смотрю внимательно.

Мой вопрос, конечно, не имеет никакого отношения к мотоциклам...

— Я выжил, — коротко отвечает Влад, понимая меня. Мы всегда друг друга понимали как никто... — И ты тоже, как погляжу.

— Не жалуюсь, — отрезаю. — Так о чем ты хотел поговорить?

Влад тяжело вздыхает, проводит рукой по щетинистому подбородку задумчиво и встает, перекинув ногу через мотоцикл.

Я аж делаю шаг назад, так как он вдруг становится куда больше и выше! Мне тут же приходится задрать голову, чтоб теперь смотреть ему в глаза.

Он оставляет шлем на руле и поворачивается ко мне. Вижу как его взгляд вновь становится серьезным. На виске аж вена вздулась. Ощущение такое, словно он решается на прыжок с высоты.

Влад опускает на меня свой тяжелый взгляд из-под бровей и говорит:

— Я совершил ошибку, Саш. Сделал не тот выбор.

— Да, я прекрасно помню. Ты выбрал мечту. Погоню за одобрением отца.

— Выбрал. И проиграл.

Глава 13: Ты мое спасение.

Саша

— Я совершил ошибку, Саш. Сделал не тот выбор.

— Да, я прекрасно помню. Ты выбрал мечту. Погоню за одобрением отца.

— Выбрал. И проиграл.

— Мы проиграли, Влад. Ты своим решением не только себя закопал.

Он стискивает зубы. Вижу как в неоновом свете вывесок играют желваки на его мощных челюстях. Он отворачивается, переживая внутри себя что-то только ему понятное.

Мимо проносятся машины, шурша шинами по остывающему асфальту. Всюду постепенно загораются огни: дорожные фонари, свет в окнах, вывески витрин, гирлянды, украшающие наш город.

Я терпеливо жду.

Все-таки ждать в этой жизни я научилась очень хорошо. Навык прокачан на все 100!

— Да. Я сделал выбор. Неправильный. И очень жалею об этом. Я думал об этом очень много и во время армии, и во время дальнейшей службы. У меня было тринадцать лет на то, чтобы подумать. Загвоздка в том, что поменять уже ничего нельзя, как бы я этого не хотел. Более того, скажу, что даже если б мир перевернулся и Бог дал бы мне возможность все изменить, я б не стал ничего менять.

Я выдыхаю и задерживаю дыхание.

Эти слова ранят меня. Я ждала их так долго и он все равно продолжает меня бить наотмашь.

— Ну, так не меняй. Нахрен ты сюда приперся? — мой голос дрожит, но я сдерживаю в себе злые слезы. Хоть горло и горит от желания разрыдаться, словно маленькой девочке.

Только вот я уже давно не маленькая девочка. И моих слез этот мир больше не увидит.

— Я не договорил. Да, тебе это не нравится, но я бы не стал ничего менять. Потому что тогда бы не стал тем, кем я сейчас являюсь. И у меня не было бы дочери.

— Ах, да, — я улыбаюсь, делаю еще шаг назад. — У тебя же ребенок... Точно. Поздравляю!

— Не надо, Саш. Она не заслужила этой злости в твоем тоне. Как и твой сын, она ни в чем не виновата.

— Вот о нем вообще не заикайся! — злобная сука делает во мне стойку на раз! — Ты зачем сюда приехал, а?! Разжалобить меня? Прощенья выпросить? Рассказать о своей жизни, как теперь у тебя все хорошо? Уматывай, пока я тебе твой байк в задницу не засунула.

Он улыбается. Едва заметно, но улыбается. Такой улыбкой... Доброй. Словно смотрит как в ясельках дите ему говорит, что такое хорошо, а что такое плохо.

Ему смешно! Гад!

— Прости. Но это правда. То, что я чувствую.

— Да насрать мне, что ты чувствуешь, понял?

Я разворачиваюсь, сую руки в карманы, чтобы спрятать от самой себя желание начистить ему рожу, и ухожу. Но он догоняет.

— Я не стал бы ничего менять в прошлом, Саша. Но это не значит, что я не хочу исправить и изменить наше будущее. Хочешь еще скажу, что чувствую?

— Нет.

— Но я все равно скажу, — он фыркает. — Ты мое спасение.

Из меня рвется горький смех.

— Seriously. Блин, в мыслях звучало круче, когда я придумывал это по пути сюда.

— Сказитель из тебя хреновый. А фантазер прекрасный. Вали.

— Я еще не все сказал, — он берет меня за локоть и тормозит. Я с радостью разворачиваюсь и отталкиваю его от себя.

— Да мне плевать! Влад! Ау! Очнись! Мне плевать на тебя, твою дочь, твои дела. Мне плевать на твою жизнь в целом. С высокой колокольни. Неужели не ясно?! Ты сам вычеркнул меня из своей жизни. Так теперь будь мужиком и поступи достойно. Не возвращайся в нее больше. Не лезь!

— Но я хочу и могу помочь.

— Ты делаешь только хуже.

— Значит, сделаю лучше.

— Хочешь помочь?!

— Да!

— Тогда найди свою сестру, блин! Я тебе об этом уже говорила.

— Я это и делаю, — он кивает. — Это я и хотел спросить. Ты последняя видела Аню. Последняя с ней разговаривала. Я хотел узнать, как она выглядела, где это было, что она говорила. Мне нужны подробности. У меня ничего нет. Я ее не видел тринадцать долбанных лет!

Я застываю, подхожу к нему близко-близко. Так, что его запах, смешанный с нотками бензина и машинного масла пробивает меня насквозь. Въедается в кожу. Вгрызается в мозг... и от этого от макушки до пят меня пронзают мурашки.

Сука. Тело до сих пор помнит! И реагирует. Твою ж мать, Саша!

Я тяну сучью улыбку, от которой, надеюсь, ему станет плохо. Так же, как когда-то было мне.

— И кто в этом виноват?

Он стискивает зубы. Да, да, мой хороший. Хлебани вместе со мной.

Но я все-таки не конченная, а потому продолжаю сдержанным тоном.

— Последний раз я твою сестру видела в шаурмечной у автовокзала. Волосы светлые, были заколоты в шишку на затылке. Глаза такие же как у тебя, голубые. Если еще не забыл. Она была еще с животом, но худая. Размер одежды XS. На ней был бежевый плащ, на шее платок персикового цвета. Сумочка белая. Все. Мы с ней говорили от силы минут десять и потом она свалила, пока я была в туалете. В разговоре она просила у меня денег на роды. Потому что Артур сдох и не оставил ей средств к существованию. Все. Больше я ее не видела.

Я вижу, как у Влада дергается кадык, как мимические мышцы на лице подергиваются от сдерживаемых эмоций.

Да... когда-то и он, и я были очень эмоциональными. И не скрывали своих эмоций. Мы ими жили, мы ими горели, мы их выплескивали.

А теперь... давим их в себе, сгорая к чертовой матери изнутри. Класс. Круто. Высший пилотаж.

Я достаю пачку сигарет из кармана, поджигаю, затягиваюсь, несколько успокаиваясь.

— Хочешь помочь? Верни мне мой портсигар.

Влад молчит несколько секунд, пронзая меня своими светлыми глазами, словно сканирует. Словно пытается прочесть, что у меня внутри.

Я тоже вглядываюсь в него. Одновременно с жадностью запоминаю его лицо и обновляю его в своих воспоминаниях.

— Ты же обещала, что больше не будешь курить. Еще деду своему.

— Деда нет. Кто ж мне теперь запретит.

— Курить вредно, — только и бросает хриплым тоном Влад.

— Ну, раз ты тут у нас в белом пальто стоишь, я пожалуй пойду. Покурю подальше от тебя, чтоб не запачкать.

— Саша, — он шагает вперед, ко мне, но я уворачиваюсь, улыбаюсь, козыряю ему.

— Приходи, когда найдешь портсигар. Больше сюда не появляйся. Все, хорошего вечера, Довбор.

Глава 14: Влад, можешь меня забрать?

Влад

Я давлю на газ, выезжаю на трассу и пытаюсь выбросить из головы её взгляд полный боли и разочарования, но никак не получается.

Дом встречает меня привычной тишиной. Не мудрено. На часах уже почти двенадцать, когда я переступаю порог.

На первом этаже пахнет машинным маслом. Блин. Я же сорвался и так и не прибрал здесь ничего. Устало поднимаюсь наверх, заглядываю в комнату Женьки. Эта бестия спит без задних ног.

У меня на душе кошки скребут и поэтому вместо того чтобы закрыть обратно дверь, я прохожу внутрь. Стараюсь идти очень тихо, чтоб ненароком не разбудить Женьку.

Сажусь на стул рядом с ее рабочим столом. И морщусь, когда в тишине раздается жалобный скрип стула под моим весом.

Замираю, прислушиваюсь.

В темноте раздается тихое посапывание Женьки. Она спит свернувшись клубочком. Вроде не разбудил. Всматриваюсь в темноте в ее лицо, но вижу плохо. Она почти полностью зарывается в подушку, когда спит.

Мелкая, хрупкая на вид. И даже во сне хмурится.

Почему она не может быть такой же милой, когда бодрствует?

Когда она бодрствует, в ней просыпается какой-то злобный чербер, а не девочка.

И все же именно здесь я расслабляюсь. Как когда-то, в прошлом я засыпал слушая дыхание своих бойцов, сейчас я расслабляюсь под дыхание своей дочери. И только так.

Я сижу так довольно долго. С час наверно.

Женька успевает перевернуться на спину, раскинуть руки-ноги в разные стороны в форме звезды и вскоре собраться обратно в клубочек. И только после этого я встаю, выхожу, прикрываю за собой дверь и иду в душ, чтобы смыть с себя, наконец, этот день.

Утром я просыпаюсь с гудящей головой от недосыпа и чётким планом действий. Нужно найти Аню и чем быстрее, тем лучше.

На столе привычно оставляю завтрак: жареная яичница с жидким желтком. Туда же под тарелку кладу тысячу рублей - Женьке на обед. Ну, или что она там с ними делает...

Я даже не представляю, куда она их тратит. Может на обед, может на сладости. А может на сигареты. Вот такой я дерьмовый отец. Даже не решаюсь спросить, куда дочь тратит свои карманные деньги.

Я еду по указанному Сашей адресу. Найти нужную шаурмечную оказывается не так уж и сложно. Сложнее оказывается заполучить чёртовы записи с видеокамер. Потому что в этой шаурмейчной есть всего лишь одна камера. Да и та оказывается муляжом. А в заведении по соседству отказываются выдавать записи.

И, в принципе, я их понимаю. Закон, все дела...

Я выхожу на улицу, достаю телефон и набираю номер старого друга, с которым мы служили вместе ещё пару лет назад.

Серёга Кравцов - бывший спецназовец. Сейчас работает в полиции начальником оперативного отдела. Мы служили вместе почти десять лет, начиная с контрактной службы в разведроту, а потом вместе прошли через горячие точки.

Сирия. Афганистан. Африка.

Как и почти каждый вояка, мы оба с Серёгой ушли со службы не по своей воле. Случай решил все за нас.

Благо, что в нашем варианте, мы остались живыми.

— Серый, привет.

— О-о-о! — тянет радостно Серега. — Здорово, братан! Рад слышать твой голос. А ты бодрячком.

— Да, живой, не жалуюсь. И я рад слышать тебя.

— Че-как, братан? Слушай, так давно не виделся с тобой. Тыщу лет как будто! Надо будет как-нибудь собраться. Ты когда свободен?

— Да я по сути все время занят и все время свободен. Свой бар открыл, так что это ты давай ко мне заезжай, когда будешь не на службе. Я тебе адрес скину, у меня там и бар, и гараж. Есть где развернуться, в общем.

— О-о-о, — Серега одобритительно отзывается в трубку. — А через какой мессенджер скинешь? Где зарегался?

— Да, никакой. Обычной смс-кой.

— Блин, братан, ты в каком веке живешь? — и ржет, как конь прямо мне в ухо. В этом весь Серега. Ничто не умалит его оптимизм.

— Да я же тот еще динозавр.

— Хорошо, хорошо, слушай, ну, будет время - забегу. Сейчас-то у меня дел неупрото. Сам понимаешь, работа в полиции она такая... Никакой личной жизни.

— О, да, это я понимаю, как никто... слушай, на счет работы. Серёг, тут такое дело. Ты извини, что я тебя дёргаю...

— Да, брось, Влад. Как говорил один герой из сериальчика: «иметь в друзьях мента и не юзать его - моветон». Так чоо случилось?

Я усмехаюсь его шутке.

— Да сестрёнка у меня пропала, и я пытаюсь её найти. Да тут загвоздка одна есть. Мне запись видеокamеры не дают. Можешь помочь?

— Да, без проблем. Скинь адрес, я подъеду.

— Спасибо, братан, щас скину. Жду тебя на месте.

Я кидаю Серёге адрес, и уже через минут сорок он подъезжает ко мне. А ещё через пять я всматриваюсь в монитор в офисе маленькой кафешки.

Я вижу, как моя сестра торопливо выходит из шаурмечной напротив. Прошу сделать скрин. Мне кидают его так же смской, глядя на меня как на отсталого при этом.

Идите в сраку. Не люблю соцсети.

Один плюс. Теперь у меня хотя бы есть лицо сестры, которое не видел тринадцать лет. Она такая взрослая. Совсем как чужая. Да еще с животом этим...

Ну. Увидел. И дальше что?

Я знаю, где она была. И мне от этого знания не легче. Мы выходим с Серёгой на улицу, и он закуривает.

— Серьёзно, это твоя сестра? — я лишь киваю. — Совершенно на тебя не похожа.

— В мамку пошла. Слушай, а можешь помочь её найти? Она ребёнка родила и свалила. Вообще не знаю, куда теперь сунуться и где её теперь искать. Вот это было последнее место, где её видели.

— Фигасе. А тебе официально или неофициально?

Я задумываюсь.

— Нет. Давай пока неофициально. Она и так уже засветилась в опеке. И я заодно. Не хочу ещё больше светиться в госструктурах. Если есть вариант найти её без лишней шумихи, я бы предпочёл его. А там посмотрим...

— Хорошо, братан, без проблем. Я постараюсь сделать всё, что можно. И побыстрее.

— Спасибо, Серёг, ты не представляешь как ты меня вручаешь.

— Да, блин, Влад, ты чо, — Серега серьезно хмурит брови, выдыхая дым в сторону. — Ты мне жизнь спас. Это то малое, чем я могу тебе отплатить.

К моему удивлению, Серега справляется быстрее, чем я предполагал. Уже через пару часов я вчитываюсь в адрес, который он мне присылает на телефон.

Адрес и название ломбарда на окраине города.

Обалдеть. Своими силами я бы убил на это несколько дней, если не недель. Надеваю шлем и лечу туда.

Захожу, прохаживаюсь мимо витрин, заляпанных жирными отпечатками рук. И среди разного хлама обнаруживаю довольно знакомых портсигар.

Серебряный. Со скромными вензелями.

— Мне нужен этот портсигар, — я подхожу к окошку в витрине и тычу в портсигар, не касаясь грязного стекла.

— Десять тыщ, — откликается обрюзгший мужичок с пузом. Он весь какой-то... заляпанный. Как и его витрины.

— Это мой портсигар.

— Ага. А я Бред Питт.

— Его украли и сдали вам. Я не намерен за него платить. Если не хочешь проблем, возвращай.

— Ты ваще тупой что ли, мужик? Насрать мне. Вали, если покупать не собираешься.

— Давай так. Если ты сейчас открываешь этот портсигар и там внутри на нем написано «Генерал-майору Якову Юста на память», то я тебе только ебальник раскрошу. А если не открываешь, то разнесу и тебя, и твой сраный ломбард так, что продавать ты не сможешь еще полгода минимум. Как тебе такая сделка?

Мужичок смеривает меня более внимательным взглядом.

— Я полицию вызову.

— Я тоже могу. Интересно, сколько тут у тебя под полом нелегалщины?

В кармане звенит телефон. Блядь. Как не вовремя. На экране высвечивается имя дочери.

— У тебя время подумать, пока я с дочерью говорю. А потом я займусь тобой, «уважаемый».

Беру трубку.

— Да, Жень?

— Влад, ты можешь в школу приехать? Меня забрать. Ну и это... — она мнетя. Ей там на заднем фоне кто-то что-то говорит. Она недовольно шипит, буркает что-то вроде «да, щас, щас». — Тут тебя еще... к директору вызывают.

— Что случилось?

— Ну, тут это... Да куда вы руки тянете? Это мой телефон, — голос Женьки удаляется, и я слышу какую-то возню.

— Алло? Это папа Евгений?

— Добрый день. Он самый. Кто это и почему вы отбираете у моей дочери телефон?

— Она отказывалась вам звонить! Она только что подралась с мальчиком! И я хочу, чтобы вы немедленно приехали в школу!

— Ну, раз хотите вы-ы., — во мне поднимается какая-то темная жуть, от которой на затылке волосы встают дыбом. — Без проблем. Я с превеликой радостью приеду к вам, «уважаемая».

— Жду! — бросает она в телефон.

Если это ее классный учитель, то я и сам очень жду этой встречи. Это что еще за выебоны?

Когда это стало нормой, чтобы учителя отбирали у учеников телефоны и так разговаривали с родителями? Ни здрасти, ни до свидания... Этот день обещает быть просто шикарным...

Отключаюсь и разворачиваюсь к окошечку. Портсигар лежит на небольшом выступе перед этим окошечком. Окошечко закрыто и на нем висит табличка «технический перерыв».

Мужика, соответственно, не видно. Заныкался.

Бляха муха. Сорвался. А так хотелось врезать ему в рожу.

Беру портсигар, открываю.

Там действительно на внутренней стороне есть гравировка «Генерал-майору Якову Юста на память». Я помню, как Яков Георгиевич любил этот портсигар. Это был подарок ему от друга-сослуживца на память в честь ухода на пенсию.

Он тогда все свое свободное время стал уделять Сашке, и поэтому я тоже близко познакомился с ее дедом.

Жаль, что я не смог присутствовать на его похоронах. Жаль, что не смог поддержать Сашку...

Тяжело вздыхаю, ощущая затхлый воздух этого ломбарда с примесью какой-то кислятины.

Морщусь и выхожу. У меня еще одна проблема нарисовалась и мне нужно ее в срочном порядке решить. И при этом уже нельзя никого бить.

Женщины все-таки...

Но это не значит, что мне не хочется кого-нибудь переломать. С каждым днем на гражданке это желание только усиливается.

И вот за это я хуярил тринадцать лет, проливая кровь и пот? Глядя как умирают товарищи. Не жравши иногда по несколько суток. Когда каждый день может оказаться последним...

Вот за это?!

Чтоб какая-то наглая бабища со стервозным голосом отбирала у мосей дочери телефон и вызывала меня как шавку какую-то, даже не поздоровавшись?

Куда катится этот мир, вашу мать...

Глава 15: Такое поведение не допустимо!

Влад.

Через двадцать минут я дома, оставляю мотоцикл и пересаживаюсь на свой Форд. Несусь в школу. Паркуюсь, распугав стайку первоклашек рычащим мотором мощного пикапа.

Ребятишки как испуганные воробьи сначала разлетаются, а потом с восторженными воплями собираются обратно поглазеть и полапать здоровенную тачку, пышущую жаром.

Я тоже пышу жаром. Только меня не лапайте.

День солнечный, мотор перегрелся, плюс у меня горит одно место от происходящих событий. А злость выместить некуда.

Грудь так и распирает, словно сейчас взорвется нахрен от не вымещенных эмоций. Ярость прям кипит в венах. А пальцы дрожат от желания вцепиться либо в автомат и выпустить пару обоим по целям, либо отхерачить кого-нибудь в кулачной драке...

Надо с этим что-то делать. Иначе точно натворю делов.

Словно танк я прущу сквозь толпы детей и подростков, не замечая никого. Нахожу нужный кабинет, захожу без стука. Если ко мне без вежливости, то и я так же. В конце концов, не я начал страдать херней.

Женька сидит на стуле, напротив стола директрисы. Прямо по центру кабинета, как какая-то полит-заключенная. Наручников не хватает для полноты картины.

Директриса сидит на стуле за своим столом. Еще одна женщина - полная, но весьма ухоженная, стоит за спиной директрисы. Волосы - как горшок на голове.

На лицо - ментальное подавление Женьки.

Я стискиваю зубы и запикиваю свои эмоции подальше. Контроль, Довбор. Контроль!

Закрываю дверь преувеличенно тихо.

Директриса - женщина лет сорока, но выглядящая на все тридцать пять. Хорошо выглядящая. Видно, что следит за собой. Узкая юбка-карандаш. Блузка с декольте чуть ли не до пупа. Увидев меня она вскакивает с кресла.

Она явно не ожидала увидеть.. меня.

Ну, а кого ты ожидала увидеть? Офисного клерка? Или наоборот богатенького мажора, что финансирует эту школу?

Я ведь Женьку устроил в хорошее частное заведение, решив, что она достойна лучшего. Но, честное слово, лучше б я ее пристроил в школу, в которую ходил сам.

— Владислав Викторович?

— Он самый, — холодно реагирую, прохожу и встаю рядом с дочерью. Беру ее под руку и поднимаю на ноги. Нечего сидеть и смотреть на них затравленным взглядом.

— Здравствуйте, меня зовут Оксана Юрьевна. Я хо...

— Значит, вы умеете здороваться, — намеренно перебиваю ее, не повышая тона, но всматриваюсь в глаза. — А вас этому не научили? — перевожу взгляд на ту, что толще в талии. — Это вы со мной разговаривали?

— Я... Да. Я... Я классная учительница вашей дочери! — ее лицо покрывается красными пятнами.

— Шикарно. У моей дочери есть имя. А у ее классной учительницы есть имя? Или вы предпочитаете, чтобы я и вовсе к вам не обращался?

— Лариса Геннадьевна.

— Шикарно, Лариса Геннадьевна, — цежу. — Теперь, когда мы разобрались, что вы вполне способны разговаривать по человечески, объясните мне так же, по человечески, в чем проблема.

— Ваша дочь устроила драку, — берет слово Оксана Юрьевна.

— С мальчиком между прочим, — перебивает эта... Лариса.

В армии за такое на неделю отправили бы чистить сортиры. Если не на месяц вообще...

Директриса пронзает ее взглядом. Да, дисциплинка хромает.

— И?

Они застывают. Хлопают глазами.

— И? — не понимает Оксана Юрьевна. — Ваша дочь устроила драку в стенах школы! Это не допустимое поведение!

— Он сам первый начал! — огрызается Женька, вырывая свою руку из моих пальцев. Вскидывает на меня возмущенный взгляд.

Она как загнанный в угол волчонок. Она думает, что я не за нее... Глупая.

— Евгения, вам слово не давали! Вы уже...

— С хера ли? — вырывается у меня помимо воли. — Мы что в концлагере каком-то, что ей слово нельзя сказать?

Лариса-как-ее-там возмущенно открывает рот.

— Не смейте так выражаться! Вы же в школе.

— Вот именно. Мы в школе, а не в тюрьме. И я хочу послушать, что моя дочь скажет. Потому что я понятия не имею, что случилось и в чем претензия. Где вторая сторона конфликта? Почему здесь только моя дочь? Ее в чем-то обвиняют?

Я наваливаю вопросы, словно таран. И вижу - директриса теряется от моего напора.

— Мальчика увезли в больницу. У него нос сломан.

— Так. Уже становится яснее. Женька, — я смотрю на дочь, — рассказывай, что случилось.

— Она накинулась на Петрова и... — я медленно разворачиваюсь и пристально смотрю на толстую клушу, которая меня уже знатно достала.

— Женька, говори, — я слышу, как дрожит голос директрисы. Она поторапливает мою дочь.

— Да какая разница уже, — Женька упрямо поджимает разбитые губы. Я вижу ссадину на ее лице и сбитые костяшки.

— А моей дочери вы, значит, не удосужились предложить мед помощь? — я зло шурю взгляд.

— Эм.. Мы беседовали и было не до этого. А скорая уже уехала...

— Еще скажите у вас тут медика своего нет на территории школы, — рычу командным тоном и тут же себя осаживаю. Сжимаю кулаки, провожу пальцами по волосам, с силой вжимая ногти в кожу. — Женька, бляха муха, скажи уже, что было. Правду!

Она резко вскидывает голову, глаза горят вызовом, обидой и... блестят. От слез. Не заплаканных. В себе держит.

Блядь. Не хорошо это...

— ДА! Я кинулась на него, понял? Кинулась и врезала этому засранцу, потому что он девчонку пнул! Мелкую совсем. Эта сопля только во втором классе. А он лоб здоровый в десятом. Это ваше нормально, нет?! И я врезала ему по яйцам, чтоб он запомнил хорошенько, как делать не надо. И ваше не жалею, ясно вам?! — она рывкает прямо на директрису, утирая злые слезы, но не срывается на плач.

— Как вы видите, такое поведение недопустимо, — директриса сдержано поводит ладонью в сторону Женьки.

Я выгибаю брови.

— Чего-чего? Недопустимо? А то, что в вашей школе старшеклассники бьют мелких, допустимо? Женька, — я снова поворачиваюсь к дочери. — Этот пацан тебя ударил?

Глава 16: Только пол дня прошло, а я уже зае...

Влад.

Она растеряно на меня смотрит. Кивает.

— Класс, — шиплю, зло улыбаясь. Снова смотрю на директрису. — То есть вы вызвали меня для того, чтобы я... Что? Наругал свою дочь за то, что она заступилась за еще одну девочку, которую пинал какой-то взрослый лоб? Который к тому же еще и мою дочь избил?

— Вовсе нет! — директриса, кажись, начинает понимать, куда сворачивает разговор. — Мы вас вызвали, чтобы вы объяснили своей дочери, что так в нашей школе вести себя нельзя!

— А этому десятикласснику вы это объяснили?

— Нет, но... Его же увезли...

— Отлично. То есть правильно я понимаю ситуацию. Давайте чисто проясним, ага? — я стараюсь сдерживать эмоции, но едкие слова так и льются из меня. — Правильно ли я понимаю, что семиклассница вступилась за второклассницу, когда десятиклассник ее избивал?

Они молчат.

— В таком свете история выглядит уже не так симпатично, да? Едем дальше! Десятиклассник ударил второкласску. Моя дочь это увидела и заступилась за девочку. Так?

— Так, но то, как она это...

— Как умеет, но заступилась. Как она это сделала - другой вопрос. И я с ней еще побеседую на эту тему отдельно. Я сам с ней побеседую. Даю слово. Понятно?

Женщины синхронно кивают, глядя на меня напряженно. Как крысы на удава.

— Далее. Их разнимают. У парня сломан нос. Его везут в больницу. Отлично. А у моей дочери разбиты губы, руки и ссадины на лице. И она сидит хрен знает сколько времени тут перед вами. Одна маленькая девочка напротив двух взрослых теток. Я ехал сюда около сорока минут. Плюс время на парковку. Плюс время до всего того, как она мне позвонила. То есть она терпит боль как минимум час и еще время на наш с вами разговор. И ей даже не обработали раны? Вы даже медика ей не вызвали.

— Владислав Викторович, мы не...

— Я не закончил! — рычу.

— Знаете, при таком отце не удивительно, что ваша дочь так себя ведет! Это ужасное воспитание! — толстуха вставляет-таки свои пять копеек. — Теперь мне все становится ясно!

— И что тебе ясно, а? — я делаю шаг к ней, смотрю прямо в глаза. — Что тебе ясно? Тебе ясно, что мелкая девчонка пошла делать твою работу? Что тебе ясно там, а? У меня отец воевал, дед воевал и я тоже пол жизни отпахал в форме. Всегда бились с противником либо равным, либо превосходящим по силе. Даже маленькой девочке стало ясно, что, когда сильный бьет слабого, это зашвар. Что тебе ясно, а, клуша ты офисная?

Ее аж трясет.

Я понимаю, что перегнул палку, сорвавшись на личности. Но я никогда не отличался особым терпением, если трогали моих близких.

— Вот! — она наставляет на меня пухлый палец и трясется от плохо скрываемой злости, как желе. — Из-за вашего влияния она такая агрессивная. В нашей школе такое не допустимо!

— Если в вашей школе допустимо издеваться над младшими и принято спускать это с рук, то нахрен такую школу. Поищем другую. Пошли, дочь.

Я обнимаю притихшую Женьку за плечи и направляю ее к двери.

— Пойдите! — Оксана Юрьевна отмирает. То же мне директриса. — Владислав Викторович, мы же не это имели в виду... Я просто хотела, чтобы мы с вами вместе объяснили, что драки - это плохо!

— Вы даже не смогли объяснить своей Ларисе-как-ее-там, что такое субординация. Научитесь справляться со своими прямыми обязанностями, а родительские оставьте мне. К тому же, тому десятикласснику вы объяснили, что драки это плохо?

Она подлетает ко мне, когда я уже открываю дверь. И когда я к ней оборачиваюсь, она замирает, чуть в меня не врезавшись.

— Как его зовут? Где его отец? Дайте мне его контакты, я сам с ним поговорю.

— Я могу скинуть вам в телеграмме...

— Никаких соц сетей. Мой контакт у вас есть, — я хмыкаю, — скиньте смс-кой.

Мы выходим.

— Пойдите, Владислав Вик... Владислав! Вы серьезно хотите покинуть нашу школу? Это же...

— Да. Всего доброго, Оксана Юрьевна.

Я подталкиваю Женьку по коридору. Мы быстро покидаем школу. Садимся в пикап и тут мой телефон вибрирует.

Смс-ка от директрисы с контактами отца того охламона, с которым подралась моя дочь...

Я прикрываю глаза ладонью, чувствуя как в груди колотится сердце. Как представляю, что эта тощая доходяга кидалась на здорового пацана, аж кулаки немеют и дышать трудно.

Ну, вот о чем она думала?!

— Вла-ад, — тянет Женька осторожно.

— М?

Не шевелюсь.

— Ты не злишься на меня?

— Нет.

Слышу, как она пыхтит в тишине и как будто с облегчением выдыхает.

— Круто. Это было круто. Спасибо. Я это... Не ожидала. Я думала ты на меня наорешь...

— А наорал на них. А я вообще не должен был орать, — отнимаю ладонь от лица, смотрю мутным взглядом на дочь. — Жень, ты понимаешь, что не нормально на людей орать? Не нормально их бить. Вообще драться не нормально.

— Ну, началось, — бурчит, складывая руки на груди.

— Да, началось. И если ты сама этого не понимаешь, мне придется тебе разговывать. Нельзя кидаться в драку так слепо? Я рад, что ты такая отважная. Честно. Меня прям гордость берет. А еще страх! Что тебя, такую соплю, этот хрен маржовый мог ударить так, что дух бы их тебя вышиб! Он же еще сам мелкий, не смотри что десятиклассник, а в башке пусто! Силу не контролирует! Я знаю, о чем говорю, я сам был десятиклассником! И у пацанов в этом возрасте ничего в башке нет. Спермотоксикоз и танчики. Все! Тестостерон шпарит и они не знают куда девать свою эту энергию тупую! И ты кинулась на этого идиота? Надо было взрослых позвать!

— Да пока бы они пришли, он бы ее уже загнобил! А она еще меньше меня! Ты не смотри, что я тощая, я умею удар держать! Во! — и она разводит волосы на макушке. — Видал?!

— Это еще откуда? — я моментально выпадаю в осадок, глядя на шрам на ее коже среди волос. Хватаю за голову, разглядываю. Длинный, грубый, но довольно тонкий.

— Ай, да ну, пусти, ну, — она вырывается. Бурчит. Дикошарая... — В детдоме пока была, там знаешь ли не это... Не детский лагерь «паровозик». Там кадык вырвут и не подавятся.

— У тебя нет кадыка... — бормочу на автомате, а сам мыслями не здесь.

— Так я и не про пацанов. Там девки знаешь какие злые? Не всякий пацан с ними связываться хотел. Ну, а я связалась. Потому что я не ссыкло, понял? — она смотрит на меня с вызовом.

И я не могу сдерживать улыбку.

— Это-то я понял. Только если уж дерешься, бей так, чтоб никто не докопался. А лучше займай такой авторитет, чтобы дело обходилось без драки. Поняла?

Она хлопает глазами, смотрит на меня, насупившись, а потом ее губы трогает робкая улыбка.

— Поняла.

— Все, погнали.

— Куда?

— Разруливать эту жопу. А потом в одно место тебя завезу. Там тебя научат, как драться с теми, кто больше.

— Я умею!

— Правильно драться. Чтоб ответку не получать. Раз ты у нас такой боец, надо тебе руку поставить. И мне не мешает пар выпустить. Еще только пол дня прошло, а я уже зае... — я осекаюсь.

Женька гагочет.

— ЗАЕБАЛСЯ. Ты хотел сказать, заебался!

— Да, да, — я выруливаю с парковки. — Бляха муха...

Черт. Надо учиться держать язык за зубами. Я больше не в казарме.

Глава 17: А можно мне на танцы пойти?

Влад.

Вторая половина дня пролетает незаметно.

Сначала мы с Женькой едем в больницу, предварительно созвонившись с отцом того идиота, что вообще решил поднять руку на девчонку.

Как же я такое ненавижу. За годы службы насмотрелся. И каждый раз хочется, как выразилась Женька, кадык вырвать каждому, кто баб трогает.

В любом смысле, кроме аккуратного.

Пару раз даже так и делал. Один раз чуть под трибунал не загремел, но выкрутился. Зато девчонку спас.

В итоге, с отцом этого малолетнего идиота у нас состоялась не совсем приятная, но весьма конструктивная беседа.

Все-таки с мужиками мне общаться куда легче.

Этот пацан принес извинения. Женя тоже. Мы с этим мужиком буквально заставили их пожать друг другу руки. Но все-таки пацан извинился первым. Он мужик, вот пусть и отвечает за свои поступки.

Там же, в больнице, обработали Женьке все ее ссадины и разбитые губы.

А потом я привез Женьку в клуб, в который когда-то ходил сам. И в который вернулся уже после службы.

Ностальгия, все дела.

Сдал ее на руки еще одному старому знакомому. Не сослуживец, просто учились вместе, а потом и служили. Только он после армейки пошел тренером работать, в спорт ударился, а я...

А со мной все понятно.

Сдаю, в общем, Женьку на руки Боре, а сам выпадаю из жизни на три часа. После которых выползаю из зала едва стоя на ногах. Зато выплеснул всю ярость, какая была, и даже больше...

Руки-ноги трясутся, зато убить уже никого не хочется. Вообще ничего не хочется.

И Женька тоже такая же.

Считаю, что профилактический урок прошел успешно.

Уже когда одеваюсь, натыкаюсь на портсигар в кармане и вспоминаю, что вообще собирался сделать, пока мне не позвонила Женька.

Смотрю на часы.

Почти десять.

В итоге, все-таки решаюсь и еду к Сашке в студию. Прямо с Женькой, которая соловелая и потная сидит рядом со мной.

Мы ни о чем не говорим. Слишком устали.

Я паркуюсь напротив Сашкиной студии и замираю, завалившись на руль.

— Зачем мы сюда приехали? — лениво интересуется Женька, глядя на то, как из студии выпархивают девушки разных возрастов. Тех, что помладше, встречают родители.

— За надом.

— Ясно. И долго нам тут стоять?

— Сколько потребуется.

— Ясно... Я есть хочу.

Я тяжело вздыхаю, отстегиваюсь.

Да, я тоже голодный как волк.

— Шаурму будешь?

— Шутишь? Я за шаурму убью сейчас...

— Кровапролитие сегодня уже было.

Я вылезаю и со словами «жди здесь» ставлю машину на сигналку. Тут как раз недалеко кафешка. Захожу, делаю заказ и выхожу обратно. Отсюда отлично видно, как студия постепенно пустеет. Саша внутри выключает свет, но, почему-то, не до конца.

И тут замечаю, что она не одна. Там внутри остается еще какая-то девушка. Это еще кто?

Дожидаюсь заказ, забираю и возвращаюсь обратно в машину, где Женька уже чуть не заснула. Но шаурма ее бодрит.

Так что мы сидим и в тишине хомячим просто умопомрачительно вкусную шаурму.

А может просто с голодухи она кажется такой вкусной. Эта хрустящая капуста, в перемешку с другими овощами и жареной картошечкой, и жареной курочкой... Господи, здоровья тому, кто изобрел шаурму.

Я уплетаю свою порцию чуть ли ни в пару укусов и понимаю, что не наелся. Иду за следующей. Все равно там, кажись, Саша не торопится уходить...

Да и я понял, что это по ходу дела, ее подруга. Потому что обратно вернулась музыка, они достали бутылку и...

Я застываю на тротуаре, с шаурмой в руках. Потный. Уставший. Опустошенный к концу этого гребанного дня. Но...

Я застываю, глядя как танцует Сашка... в этом приглушенном свете она... словно...

Словно...

Я даже слов таких подобрать не могу. Я никогда не был мастером слова...

Но видя, как она танцует там со своей подругой, периодически прикладываясь к одной бутылке вина, я глаз оторвать не могу.

Я не видел, как она танцует, много лет. Но в моей памяти ее танцующий образ отпечатался навсегда. Сколько раз я прокручивал их в голове, лежа в палатке посреди пустыни или в укрытии в тайге. Словно к заезженной кассете, я обращался к этим воспоминаниям, чтобы не сойти с ума и выжить.

Как она двигается... Боже... Она же создана для того, чтобы танцевать. И чтоб сводить меня с ума.

Я чувствую, как кровь приливает к вискам, как дышать становится тяжело...

Как в здравом уме я мог отказаться от нее? Променил на какую-то армию...

Кретин.

Идиот.

Дегенерат.

Какие еще слова я знаю, чтобы описать такую тупицу, как я? Да я оскорбляю эти слова, применяя их к себе!

И тут я вижу, что она улыбается. Ее подруга делает какой-то финт, заваливается и они обе хохочут в грохочущей музыке.

Значит... Значит, точно! Еще не все потеряно. Она не сломалась до конца и я в состоянии вернуть на ее лицо улыбку.

Я понимаю, что готов отдать все, что у меня есть за эту улыбку...

Ну, разве что... Я смотрю на машину, где с сосредоточенным сонным лицом Женька дожевывает свою шаурму.

Да, пожалуй такой выбор сделать я не смогу. Я не готов уже расстаться с Женькой. С этим маленьким комочком ненависти... Она мне даже чем-то напоминает саму Сашку.

Обе как маленькие кактусы. Которые, впрочем, все же нуждаются в заботе.

Значит, я взвалю на себя эту ответственность.

Буду защищать их обеих.

Женька - моя плоть и кровь. Дочь моя.

А Сашка... Она всегда была и будет единственной женщиной, которая способна заставить мое сердце биться чаще, а разум - терять контроль...

Я сжимаю кулаки, чувствуя как внутри все горит от желания ворваться туда, схватить ее в охапку и больше никогда не отпускать. Но вместо этого я заставляю себя вернуться в тачку.

Сажусь. Откидываюсь на спинку кресла и вцепляюсь зубами в шаурму.

Ждем мы около часа где-то. Саша с подругой выходят из студии и я тоже выбираюсь из машины.

И тут вижу какой-то хмырь к ним идет.

— Так, бляха муха... Жень, сиди здесь, я шас, — вылетаю из тачки и несусь прямо через дорогу, не останавливаясь.

Машины проносятся мимо, сигнала. Плевать.

Чуть не сбиваю с ног этого хмыря, что вообще рискнул схватить мою женщину за руку. Я уже молчу о том, что он ее толкнул.

Беру его в захват, прижимаю к стенке.

— А, ну, отвали от меня! Я тебя засужу! — орет этот хмырь, дергаясь в моих руках.

— Вперед, — вжимаю его в стенку еще сильнее, так, что кирпич в кожу впивается. —

А я тебе яйца вырву.

Оборачиваюсь к Сашке, оглядываю ее быстрым взглядом.

— Ты в порядке?

Она придерживает за плечи свою подругу и выглядит чересчур уж собраной. Лоб нахмурен, взгляд дикий. Словно уже сама готова была полезть с кулаками на этого хмыря.

Нет, ну, точно из одного теста с Женькой сделаны! Что за насмешка у судьбы такая? Сводить меня именно с такими женщинами?

— Все хорошо? — к нам подходит еще один мужик. Здоровый. Уже не такой хиленький, как тот, которого я держу.

Но подруга Сашки реагирует спокойно и потому я на время снимаю с него пометку «опасность».

— Да отвали ты, — шипит хамло, и я делаю шаг назад, отшвыриваю его в другую сторону.

— Куда ты лезешь, блядь?!

— Это я куда лезу? — шагаю к этому идиоту.

— Я с женой вообще-то говорил!

— Обе что ли твои жены? Многоженец что ли? Нахрен пошел. Я видел, как ты говорил. На бабу руку поднимать ты ваще попутал, мужик?

— Да кто поднимал?! Они первые начали, — ох ебать, как же хочется ему вдарить. Но ведь померет может. Хилый слишком... — А ты левый мимокрокодил, вот и вали дальше. Я со своей женой буду говорить так, как мне надо. Отвали!

— Бывшей женой, — поправляет незнакомый мужик позади. Кидаю на него взгляд.

Бляха, что за терки еще происходят?

Этот день реально решил меня окончательно добить.

— Чего? — обалдевший наглый хрен всматривается в спокойного мажора в костюме. — Ты не ахренел такое заявлять? Ты кто вообще? Ника, ты его знаешь? Кто это?!

О, теперь я знаю, как зовут подругу Саши.

Ника.

Супер.

Я дожидаюсь, пока наглый хрен с горы сваливает и только тогда поворачиваюсь к Сашке.

И она не заставляет ждать... Смотрит волком на меня. Нет, ну, точно надо познакомиться с Женькой! Они друг друга стоят.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Сашка меня.

— Ты тоже следил за мной что ли? — спрашивает Ника незнакомого мажора в костюме. Мда. Попали.

Переглядываемся с незнакомцем. Высокий, примерно моей комплекции, может чуть уже в плечах, но в росте не уступает. И хрен знает, что от него ждать. Это не тот задохлик. Может, у него в загашнике тоже служба. А может и просто заядлый качок, которого я на раз переломлю.

Только пока он не начнет двигаться, хрен поймешь. Да и вообще я здесь не за этим.

Перевожу взгляд на подругу Сашки. Вроде она не выглядит напуганной. Этот хмырь, что приставал к ней, вызывал у нее больше страха. Предположу, что это ее новый хахаль.

Ох, уж эти бабы... Одна морока с ними.

— Да вот, нашел, — вытаскиваю из куртки портсигар и протягиваю Сашке. — Привез.

Сашка смотрит на мои руки и, я отвечаю, у нее буквально меняется лицо! Она даже не скрывает ни удивления, ни радости.

И у меня аж теплеет на душе...

Не зря мотался.

— Спасибо, — она тут же сдержанно отзывается, но я-то вижу, что она рада.

А я стою и понимаю, что чувствую себя снова лет на семнадцать-восемнадцать. Когда мы оба еще ходили на танцы и в школу.

Сашка почти не изменилась. Разве что между бровями морщинки стали четче. Слишком много хмурится.

Но в остальном...

Ее фигура просто ахуенная. Она еще стоит в топике этом своем. Талия голая, спортивные штаны облепляют бедра и попу.

Сашка никогда не была тощей. У нее всегда все было при ней. И я не помню, чтоб она гналась за этими новомодными стандартами красоты. Когда перед тобой не женщина, а суповой набор какой-то.

И я помню, как Артур отзывался о ней... И когда я узнал, что он взял ее в жены, в значительной мере удивился.

Он как раз был любителем суповых наборов. Как моя сестра.

И какого хрена он позарился на Сашку? Зачем? Чтоб сломать? Поигрался и хватит? Чтоб доказать что-то? Галочку поставить?

Нахрена?

Никогда сам не помимал, и он не отвечал четко.

А теперь уже и не узнаем.

— Не за что. Домой отвезти? — закидываю удочку. Может все-таки согласится?

— Не стоит, — мотает головой. Но уже не так злобно, как раньше.

Может причиной тому, что она пьяная, может из-за подруги, может из-за танцев, а может из-за портсигара.

Но в ее глазах нет вчерашней ярости и злости. Уже плюс.

Так шаг за шагом я ее и верну.

— Как хочешь, — не давлю. Смотрю на этого мужора в костюмчике.

Ох, подозреваю, мы не последний раз видимся.

Возвращаюсь в машину. Женька вылезла, смотрит с тревогой и любопытством на лице.

— Лезь обратно, — кидаю ей и сажусь за руль.

Башка трещит. День был не из легких.

Тяжело вздыхаю и завожу мотор.

— Пристегнись.

— А кто это был? — она даже не смотрит на меня. Все таращится в сторону студии.

— Кто надо. Пристегнись.

— А можно мне на танцы сюда записаться?

— Не можна. Пристегнись, говорю.

— Ц, — лениво возмущается, — опять началось...

— Не опять, а снова. Пристегивайся! Женька, бляха муха.

— Да, все, все, пристегнулась, — ворчит. Замок действительно щелкает. — А круто ты все раздулил, а?

Кошусь на нее с подозрением.

— Прямо так чётенько. Вежливо. Без агрессии. Сразу видно - авторитет наработал и прямо вот обошлось без драк, — ерничает, едва сдерживая ехидную улыбку.

Вот жопа мелкая!

— Так. Ты давай это... Не это самое. Пристегнулась? Вот и поехали, — оглядываюсь.

— Эй, а где моя шаурма?

— Сбежала.

Тяжело вздыхаю, раздувая щеки. Бляха муха... Ох, и нахаваюсь я еще с ней. Жопой чую.

Глава 18: Многие хотят. Не многие могут.

Саша.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь! И еще раз!

Пот льет с лица, утираю рукой и продолжаю тренировку. Внимательно смотрю, как каждая из девочек выполняет связку.

Курить хочется...

Ну, ничего. До окончания тренировки остается пятнадцать минут. Потерплю... Вообще, в идеале надо бы бросать. Или хотя бы курить меньше...

А то я вроде как подаю плохой пример.

Но... Пока моих внутренних сил не хватает на это. Расслабиться без сигареты не получается от слова «совсем» до слова «вообще».

Конечно, после того, как Влад вернул мне портсигар, мне как будто бы стало легче. Мне так кажется...

Хочется верить в это.

Портсигар рядом и складывается такое ощущение, будто бы дедушка рядом. Будто бы его крепкая рука лежит у меня на плече.

И с этим ощущением легче дышать, легче двигаться, легче жить.

Даже Артур ни разу не приходил ко мне за эти дни... Но я боюсь надеяться на то, что все закончилось и меня отпустило. Тогда с футболками я тоже надеялась. Вот, мол, выброшу его шмотки и Артура из головы тем самым выброшу.

Но нет. Не помогло.

В кармане снова вибрирует телефон. Достаяю. Вижу номер и сбрасываю.

Сколько раз говорила родителям: когда я на работе - не звоните мне! Но нет. Они продолжают попытки дозвониться.

Точнее, отец пытается. Мать позвонила лишь раз и на этом успокоилась. Так сказать, выполнила свой материнский долг - сделала вид, что ей не все равно.

Отец хотя бы настойчиво пытается дозвониться.

За это ему спасибо. Но отвечать я не собираюсь. Не хочу слышать его голос. В конце концов, я знаю, что он скажет. Ничего нового.

Может, я когда-нибудь и прощу их. И даже захочу снова разговаривать. Но не сейчас.

Когда тренировка заканчивается, за окном уже летние сумерки, но после дневной жары все еще тепло. Так что я беру жакет в руки, все выключаю и выхожу на улицу.

Закрываю дверь, ставлю помещение на сигналку и с чистой совестью достаю сигарету из портсигара.

— Здравсти, — раздается сбоку. Я оборачиваюсь, так и не успев прикурить.

— Привет.

Передо мной девчонка лет двенадцати-четырнадцати. Русые волосы подстрижены под мальчика, губы разбиты. Лицо в ссадинах. На ней джинсы, футболка черная оверсайз и кеды красного цвета.

— Это ты тут главная? — она оглядывает меня с подозрением.

— Тыкать в жопу себе будешь, — спокойно отвечаю, прикуривая. Не люблю, когда мне незнакомые люди тыкают. Да еще малолетка какая-то.

— Это вы тут главная? — без какой либо разницы повторяет. Тот же тон. Настойчивый. Она как будто храбрится. А взгляд у самой с диким подозрением, будто я сейчас кинусь на нее.

При том что это она подошла ко мне и это мне кажется, что она сейчас кинется на меня.

— Допустим, я. Чего тебе?

— Записаться хотела. На танцы. У вас же тут танцы?

— Танцы, — киваю. — Лет тебе сколько?

— Тринадцать.

— Тринадцать, — выдыхаю дым, смотрю на спешащих домой людей в машинах и без них... — Приходи завтра с родителями.

— Зачем? — хмурится.

— Ну, как зачем? Ты не совершеннолетняя. Мне необходимо с твоими родителями познакомиться. Договор надо заполнить. Подберем тебе тренера и график.

— А разве не вы тренер?

— Я - тренер. Тоже. Но я не веду все группы.

— Я хочу к вам в группу.

Я окидываю ее более внимательным взглядом. Смотрит, как загнанный зверек. Руки в карманах в кулаки сжала.

Интересненько...

— Зачем?

— Хочу к вам.

— Я не это спросила.

— Ну... Вы клевая. Хочу к вам.

— Многие хотят. Не многие могут.

— У меня есть деньги! — девчонка воспринимает мои слова в штыки и по своему. Достает из кармана пачку денег, свернутую пополам. Судя по всему - там самые разные купюры.

— Наворовала что ли? — фыркаю.

— Я не воровка! Это мои! Заработала! — она тут же ощеривается, прячет деньги, как будто я их сейчас отберу.

— Да ладно, ладно, я шучу. Ты молодец, — говорю серьезно. — Раз сама заработала в тринадцать, это прям респект.

— Спасибо.

Затягиваясь. Не замечаю, как сигарета заканчивается. Закуриваю новую.

— Но только я не деньги имела в виду. У меня отбор жесткий. И времени мало. И места ограничены. Поэтому не все могут. С чего ты взяла, что ты справишься и достойна ходить ко мне? У меня уже группы укомплектованы. Тебя, кстати, как зовут?

— Женя, — буркает. — А вас?

— Ты хочешь ко мне в группу, но даже не знаешь как меня зовут. Интересно, — снова выдыхаю дым, улыбаясь.

— Через витрину видела. У вас имя на лбу не написано, — снова недовольно парирует.

Вроде говорит нормальные слова, а в ее исполнении как будто нападение. Интересная девчонка... Беспризорница что ли?

— Ясно, — выдыхаю. — Ладно, ты молодец, что пришла. Правда. И даже если б я решила тебя к себе взять, мне все равно нужны контакты твоих родителей. Договор заключается с ними. Без него я не имею права тебя тренировать.

— Да, блин! — девчонка психует, дергается, наворачивает круг по асфальту передо мной. — У меня батя не разрешает! На бокс меня засунул, а сюда, говорит, «нет»! А я сюда хочу! К вам! У меня даже деньги есть!

— Да спрячь ты свои деньги. Не все ими решается, — спокойно реагирую на ее выпад.

А у самой в груди сердце екает.

Как будто в зеркало заглянула, а там я - в свои четырнадцать...

— Ну, а как еще?! Если вы не хотите, он не хочет. Всем насрать, что хочу я!

— Я не сказала, что я не хочу тебя брать, — Женя замирает. Если б была кошкой, то точно уши бы торчком встали. — Побил тоже отец?

— А? — она как будто что-то вспоминает, касается губ. — Не, это в школе. Батя тот еще крендель, но меня не бьет.

— Угу-м, — киваю. Ну, хоть здесь ребенку повезло. — Ты сейчас ходишь в школу? Лето же...

— Школа частная. Там другая программа. До конца июня учимся. Вообще зашквар, — она вяло пинает асфальт.

— Ясно...

— Ну, пожалуйста, что вам стоит? Я буду стараться! И деньги вот...

— Да убери ты свои бумажки... — выкидываю недокуренную сигарету. — Давай так. Беру тебя в вечернюю группу. Стоимость две тысячи в месяц. Тренер - Алиса, — Женя открывает рот, чтобы запротестовать, но я ее тут же перебиваю. — К себе пока не возьму. Это компромисс. Хочешь сразу ко мне? Тащи отца, заключайте договор. Хочешь танцевать? Тогда тренер Алиса, группа вечером. В восемь. Тренировка завтра. Посмотрим, на что ты способна. Будешь усердно стараться, может, тогда возьму к себе на следующий сезон, когда буду формировать новую группу. То есть в сентябре. У тебя есть почти три месяца, чтобы показать себя.

— Ладно... — она хмурится, часто моргает. Видно по ней - пытается осмыслить то, что я ей сейчас вывалила. — А зовут-то вас как?

— Зовут меня Саша. Но для тебя Александра Михайловна.

— Понял-принял, — кивает сосредоточенно. — Кхм, спасибо, — она неловко утирает под носом, кивает мне. — Ну, я тогда пошла?

— Иди.

Она кивает, разворачивается, но потом возвращается обратно и снова кивает.

— До свиданья, Александра Михайловна.

— До завтра, Женя.

Она светлеет лицом, когда я называю ее по имени. Она уходит походкой, совсем не подходящей для девчонки.

Где ж ее помотало так?

Ей всего тринадцать, а у нее уже переломанное восприятие себя как девочки...

Смотрю на нее, а вижу себя...

Помню, как меня отец тоже таскал на всякие военные сборы, запикивал в лагеря для мальчиков, таскал на бокс... Училась я вовсе в школе с военной подготовкой. Специальной, так сказать... А я хотела танцевать.

И тоже была маленькой занозой в заднице, когда бунтовать начала.

Я бы эту Женю и бесплатно взяла, для меня деньги уже давно далеко не важный фактор. Зарабатываю я достаточно, чтобы позволить себе взять кого-то бесплатно.

Но ведь если она бесплатно будет ходить, может случиться так, что перестанет ценить...

Надо сначала посмотреть, как она будет себя вести.

Может, у меня есть шанс направить еще одну девочку на правильный путь. И пусть она уже никогда не станет прямо «девочкой-девочкой», но она сможет понять, что она не мальчик. Что в этом мире женщиной быть не просто, но это классно.

Я это поняла именно на танцах. И мне помогли это понять...

Точнее, мне дал шанс это понять. Один человек.

Мой дедушка...

Снова достаю портсигар. Открываю. Провожу пальцем по надписи...

Достаю сигарету и начинаю путь домой, окунаясь в воспоминания...

Глава 19: Воспоминания.

Саша.

Боль в содранных костяшках, деревянная лавочка под задницей, штанина порвана на левой коленке, разбитый нос гудит, чертов запах хлорки и спирта такой ядреный, что помню его до сих пор.

Дверь открывается и темный коридор освещается светом, льющимся из палаты. Он слепит меня, и я прикрываюсь от него саднящей рукой.

В проеме показывается фигура дедушки. Ему тогда было шестьдесят пять, но он совершенно не выглядел на свой возраст.

«Крепкий ака дуб» - это про него. Он занимался спортом до самого своего последнего дня, а из вредных привычек у него была лишь одна - курение.

Широкоплечий, с крепкой шеей, с сединой в волосах по всему телу и крепкими руками. Он почти никогда не носил рубашки. Только футболки однотонные, заправленные в приталенный брюки с высокой посадкой.

Борода всегда подстрижена и конечно же «тройной» одеколон. Этот запах навсегда будет ассоциироваться у меня с дедушкой.

Он стал для меня ориентиром, идеалом, на который я в последствии стану ориентироваться.

Но не в тот момент...

В тот момент я волновалась о другом.

Не подадут ли на меня заявление, которое перечеркнет мою жизнь. И не потому что меня посадят по малолетке, а потому что отец мне не спустит это с рук.

Для меня эта ситуация могла стать фатальной вовсе не из-за полиции. А именно из-за отца.

Я вскакиваю со скамейки, сжимаю кулаки, перешагиваю с ноги на ногу, волнуюсь. Все лицо вспотело, по лбу тянется влага. Я ее судорожно смахиваю.

— НУ? — вглядываюсь в лицо дедушки, ищу ответ в его суровом взгляде.

Но он не спешит с ответом. Закрывает дверь аккуратно, тихо. Берет меня под локоть и направляет обратно к скамье.

Мы усаживаемся, но он молчит, и я снова вскакиваю.

— Деда, ну, не тяни, пожалуйста! Он заявит, да? Заявит?

А он не отвечает, спокойно клонит голову к скамье, мол, сядь. И ладонью пару раз хлопает рядом с собой.

Я кусаю губы и падаю на скамью грудой поверженного мяса.

— Поясни, что не поделили.

Голос дедушки низкий, глубокий, размеренный и хриплый от многолетнего курения. Вот и сейчас он достает портсигар из кармана брюк и машинально его вертит.

— Ничего, — буркаю. — Язык у него длинный.

— Это я понял, — хмыкает дедушка. — У тебя тоже не короткий. Давай рассказывай.

Я кусаю губы до боли, до жжения, до ощущения металла на языке.

— Он спалил меня, что я убегаю на танцы.

— На танцы?

— Да.

— Ты ходишь на танцы? — дедушка искренне удивляется, оглядывая меня как-то по новому.

— Да, — с вызовом выпрямляюсь. — Мне нравится. Там девчонки классные, а Оксана Викторовна вообще баба мировая. Она мне вон чо подарила! — и я достаю из кармана сложенные вдвое чешки.

Дедушка протягивает мне свою широкую руку с сухими многолетними мозолями на ладони, с крепкими узловатыми пальцами. Я хмурюсь, не торопясь отдавать ему чешки. Но дедушка едва качает рукой, мол, давай, не ссы, боец.

Я читаю это в его взгляде и все же вкладываю чешки в его руку.

— Какая странная обувь.

— Специальная. Для танцев. У меня своей не было и Оксана Викторовна мне их купила. Со своих денег. Я ей должна теперь.

Дедушка косится на меня. Пощупав чешки, возвращает их мне обратно. А потом достает из кармана двести рублей.

— Узнай, сколько стоят и верни ей. Не ходи в должниках. Остальное себе оставь.

Я смотрю на деньги квадратными глазами, но беру.

— Спасибо, деда.

— Пожалуйста. Так. И? Этот мальчик узнал, что ты ходишь на танцы...

— Да, — я вскакиваю с лавки, не в состоянии усидеть на месте. — И он сказал, что все расскажет командиру. А если бы он рассказал ему, тот бы точно побежал батю все передавать! А ты же знаешь отца! Он запретит мне. Я знаю...

— Отца пока не трогай. С мальчиком что?

— Ну... я ему пригрозила, что если он сдаст меня, то крысой будет! Ну и... Слово за слово... Как-то оно само... — я останавливаюсь перед дедушкой. Не смотрю на него. Стыдно до жути. Щеки горят.

Я ковыряю сбитые костяшки, чтобы заглушить физической болью страх, что все теперь всплывет.

Теперь-то точно отец узнает... Я как идиотка сама себе подставила.

— Ясно, — усмехается дедушка и снова хлопает по лавке рядом с собой. — Ты сядь, не елозь, Сашок.

Я снова сажусь.

Мы сидим молча где-то с минуту. Каждый думает о своем.

— Деда.

— М?

— Так что командир сказал? Заяву накатают, да?

— Ты погоди пока с заявой. Ты лучше скажи мне вот что, — он хлопает себя по коленке. — Танцы прям нравятся тебе?

— Ну...

— Правду, Сашок.

— Нравятся, — ковыряю ногти. — Там клево. Музыка классная. Девчонок много. Прикинь, у них там краситься можно, — я поднимаю восторженный взгляд на деда. — Ты бы видел, что они там вытворяют. Я ни в жизнь не повторю! Такие пируэты... Командиру и не снилось! А этому Саровскому и ваще! Он жирный...

— Сашок, — укоризненно тянет дедушка.

— Все равно крыса. Деда, слушай, не говори отцу, а? Давай скажем, что... Ну, я не знаю. Пусть мы просто подрались. Давай скажем, что позавидовала его результатам на полигоне. Хотя какие там у этого жирдяя результаты...

— Нет. Так делать мы не будем, Сашок.

Я поджимаю губы, ссутулившись. Короткие волосы падают на лоб, прилипают, застилают взор. Слезы набираются на глаза, но я даю их в себе. Не даю пролиться.

— Мы сделаем по-другому. На танцы ходи. Раз нравится, ходи.

Я резко выпрямляюсь, глядя во все глаза на деда.

— Правда?!

— Кривда. Дослушай. На танцы ходи, но чтоб и в школе результаты от этого не пострадали, договорились?

— Да! Спасибо! Но как же... Саровский? И командир? И... Отец?

— Саровский заявление писать не будет. Но, — он поднимает палец, — ты принесешь извинения ему перед его отцом.

— Блин... — морщусь.

— Так надо, Сашок. Не фиг было ломать руку пацану. Гордость его задела, — дед усмехается себе в бороду. — Если на танцы хочешь, сделай, как говорю, и проблем не будет.

— Ладно, — бурчу.

— С командиром я поговорил. Доложить Мише он обязан. Работа у него такая. Но ты не волнуйся, Сашок. Оставь своего батьку на меня, лады? Ходи на свои танцы, не прячься.

Я поднимаю восторженный взгляд на деда и даже задыхаюсь от облегчения и радости, охватившей меня.

— Спасибо-спасибо-спасибо! — тараторю автоматом на одном дыхании.

Обхватываю дедушку, утыкаюсь ему в грудь.

А он меня по голове гладит, целует в макушку.

— Будь собой, Сашок. Наслаждайся своими танцами, а с Мишаней я сам поговорю. Может, даже школу тебе поменяем...

— Правда?!

— Кривда. Не торопи коней.

Глава 20: Темная фигура.

Влад.

Я смотрю, как Женька, перескакивая через одну ступеньку, спускается ко мне на первый этаж. Меня, конечно, как будто не замечает. Подлетает к холодильнику, хватая бутир, что остался с утра. Кусает сразу половину.

А я слежу за ней глазами, на автомате проверяя натяжение цепи у мотоцикла, подтягиваю регулировочным болтом на задней подвеске. Опять все руки в масле по локоть.

— Куда? — я торможу Женьку и она как будто впервые замечает мое присутствие дома.

Замирает резко - ушки на макушке, тонкая шея напрягается.

— Гулять, — с набитым ртом отвечает настороженно.

— Где? С кем?

— Да... Там, у школы. С одноклассниками.

— Уже что ли новых друзей завела?

— Ну, а чо как залупе подзаборной одной шариться все время?

— Жень, — осаживаю ее. — За языком следим, ты помнишь?

— Ы-ы, — она кривляется. — Помню!

— Я не вижу. Дома чтоб к девяти была как штык. Телефон с собой?

— С собой. Давай к десяти-и!

— К девяти.

— Ну, Вла-а-ад! Хотя бы к пол десятому!

— К девяти.

— К десяти!

— Жень.

— Ладно! — летит к выходу пчелкой.

Смотрю, как она обувадается быстро-быстро и выскакивает наружу, хлопнув металлической дверью.

Вздыхаю тяжело, фиксируя гаечным ключом ось колеса после натяжения цепи. Не придет ведь к девяти... На что я каждый раз надеюсь? Никакие приказы и уговоры не действуют.

Телефон звенит в кармане. Вытираю руки о ветошь, принимаю звонок.

— Да, Серег. Привет.

— Здравов. Новости есть. Засекли Аню твою по камерам. Сначала на выезде из Москвы, потом в Орехово-Зуево.

— Орехово-Зуево? — морщусь. — Это ж под сотню километров от города...

— Именно. Ныкается, наверно. Ты сейчас свободен? Погнали съездим, пока у меня есть свободное время?

— Погнали.

Я заезжаю за Серегой и уже через два часа мы добираемся до Орехово-Зуево. Небольшой провинциальный городок.

Сегодня небо нависает низко, давит своими тяжелыми облаками. Дождь мелкий моросит, дворники работают усердно, смахивая влагу с лобовухи.

Мы останавливаемся у местного банка, где в последний раз засекли Аню по камерам.

— Сиди, — командует Серега, — с корочкой я один быстрее разберусь.

— Гуд, — киваю и остаюсь за рулем.

Серега возвращается минут через пятнадцать, морщась от дождя. Залезает обратно в салон, утирает влагу с лица.

— Ну, короче, по камерам видно, как она приходила снимать бабки с карточки. Данные, конечно, мне никто не даст. На это надо постановление суда. Так что есть только запись. Она просто снимает бабки и уходит туда, — он тычет налево. — Тут только ножками теперь ходить и спрашивать, видели или нет. Искать еще камеры.

Я тяжело вздыхаю.

— Ну, погнали тогда...

Мы обходим окрестные магазины, кафе, спрашиваем прохожих, показывая скрин с камер. Время тянется, как резиновое...

Я уже без всякой надежды подхожу к бабушке, что торгует зеленью и цветами рядом с маленьким продуктовым магазином.

— Здравствуйте, — обращаюсь к ней, прячась за воротником от дождя.

— Здравствуйте, — отзывается сдержанно. Она сидит, нахохлившись, под голубеньким дождевиком.

— Уважаемая, может, вы видели эту девушку? — я протягиваю ей телефон с фоткой Ани.

— А что? — бабушка смеривает меня подозрительным взглядом. — Чего надо от нее?

— Да ничего. Сестру ищу младшую. Убежала из дома. Ни слуху, ни духу. Даже записки не оставила.

Она снова осматривает меня с ног до головы

— Ну, ты бабушке помоги, может, и бабушка тебе поможет.

Я оглядываю ее «товар».

— Ну, давайте мне вот салата, укроп и букет вот этот давайте, — я достаю бумажник и сую ей пяти тысячную купюру. Бабка видит красную бумажку и тут же ее глаза загораются.

— Вот это я понимаю помощь. А то как вопросы задавать, так все горазды, а как помощь оказать, так фигушки.

Она с гордым видом собирает мне в целофановый пакетик пучок зеленого салата, укропа и достает из стеклянной банки букет с каким-то цветочками, что обычно растут в палисадниках.

— Так, что? Видели девушку-то?

— Видала. У Тамары она живет. Странная девка. Нервная. Я ей «здравствуй, девица», а она «здрасти» и почесала себе дальше. Хамоватая, одним словом. Не уважает старших, — бурчит бабушка. — Я Тамаре говорю, зря ты еепустила! А Тамара - мне чо, деньги чо ли лишние! Ох уж эти московские, сорют деньгами-то! Сорют!

— Да, мы такие. А где дом этой Тамары найти?

Бабка смеривает меня долгим взглядом.

— Ишь, чего удумал. Чтоб я выдала дом подружки какому-то постороннему?

Я тяжело вздыхаю и достаю бумажник. И уже через десять минут я стою у старого деревянного дома, обшитого старой вагонкой. Краска на ставнях облупилась, окна обычные, деревянные.

У меня вдруг сердце начинает колотиться так, словно я влил себя тройную дозу энергетиков.

Я давно не видел Аню. Очень давно... Ее я тоже бросил. Наедине с отцом. и... Это не простительно. Так что я не удивлюсь, если она меня пошлет.

Но я не могу отступить назад. Мне надо исправлять свои косяки. Да и выяснить нужно, почему она бросила своего ребенка. Почему не попросила помощи у меня или отца? Почему вообще сунулась к Саше?

Стучу в дверь. Тишина.

Стучу еще раз, громче. И на этот раз за дверью я уже слышу шорохи, похожие на звуки шагов. Щелчок замка. Дверь приоткрывается на пару сантиметров, и я вглядываюсь в эту щель с дикой надеждой.

— Аня?

За дверью тишина. Я слышу только шелест дождя по окружающему нас пространству. Как капли падают на старый шифер, как шелкают по моей куртке и как влага падает за воротник.

Запах зелени и озона настойчиво проникает в нос.

— Влад? — в мелодичном голосе прорезается жесткое неверие. Дверь распахивается шире, и я, наконец, вижу Аню полностью.

Сердце пропускает удар, когда я вижу на ее скуле синяк. Пурпурно-синий, свежий... опухолью разлился по коже, забравшись на верхнее веко. Оно опухшее нависает над глазом.

А сама она в верхней одежде, будто ждала кого-то. Я заглядываю внутрь. Вижу чемоданы.

— Да, я. Привет...

— Что тебе надо? — резко бросает она, высовывается и оглядывает округу.

— Поговорить. Я войду?

— Нет. Уходи, — она закрывает дверь, но я резко протискиваюсь между дверью и косяком.

— Постой, Ань. Давай поговорим. Мне звонили из опеки! Что с тобой творится? Почему ты уехала?

— То есть сейчас тебе есть дело до меня? — шипит она и пытается вытолкнуть меня за дверь. Ее глаза лихорадочно блестят.

— Я хочу помочь.

— Себе помоги, Влад! А от меня отвали, понял? Мне не нужно ничего от нашей семейки.

— Кто тебя избил? — продолжаю настаивать и удерживать дверь. Меня хрен сдвинешь.

— Не твоё тело!

— Слушай, я в курсе, что я дерьмовый брат. Но все же брат. Это не нормально, — тычу в ее избитое лицо. — Скажи, от кого бежишь, и я помогу решить эту проблему. Ты же ребенка своего бросила. Ты понимаешь, что ты вообще творишь?

— Иди ты в задницу, — цедит рассерженной кошкой. — Ты вообще не понимаешь, куда лезешь. Вали по-хорошему. Ты мне не нужен, понял? — ее голос дрожит, она пихает меня наружу, цепляется за дверь тонкими бледными пальцами.

— Окей, понял, — я едва сдерживаюсь, чтоб не заорать на нее. Но понимаю, что это не поможет в любом случае. — А к Саше ты зачем сунулась? Зачем украла портсигар?

— Мне нужны были бабки, ясно?! Отвали от меня! И больше не суйся! У меня теперь своя жизнь, понял?!

— Да какая жизнь? Ты прячешься как какая-то преступница, ребенка бросила, воруешь! Это что вообще за жизнь такая?

— Не твоё дело! Пошел нахрен! — она пинает меня в колено, и я с шипением отштырываюсь.

Дверь захлопывается.

Вот и поговорили...

Твою-то мать!

Прихрамывая, возвращаюсь в машину. Захлопываю дверь и замираю, потирая ушибленное колено. Я чувствую, как Серега сверлит меня взглядом.

— И как?

— Никак, — я медлю, обдумываю все что увидел и услышал. — Она ждала кого-то. Внутри не пустила. Под глазом синяк.

Серега только брови выгибает в молчаливой реакции.

— Херня какая-то. Я думал, ей помощь нужна...

— Я тоже так думал, — киваю коротко. — Ошибся. Опять. Но не это меня смущает.

— А что?

— Она ждет кого-то. В одежде. Буквально на чемоданах сидит. Мы с тобой успели очень вовремя.

— Ну, может, такси, да дальше поедет...

— Может и такси. Не знаю. Но кто тогда ей фингал поставил?

— Хрен знает, братан.

— Ты когда по камерам смотрел, она одна была? — смотрю на Серегу, хмурясь так, что аж мышцы на лбу жжет.

— Да, одна.

Отворачиваюсь.

— У тебя как по времени? Тебе когда возвращаться надо?

— Ты скажи, что нужно, я подстроюсь.

— Подождать нужно. Хочу посмотреть, кого она ждет и куда поедет.

— А что она сказала-то? — Послала меня. Сказала, что я сам не знаю, куда влезаю.

— Хм... Значит, точно что-то мутное.

— Вот и я о том же. Если б это было в Москве и она б была дома, я б вообще без проблем свалил. Но тут не только я задействован...

— А кто еще? Ты извини, если вопрос личный, но я как бы уже тоже втянут. Хочется понимать, куда влез.

— Понимаю.

И я рассказываю ему и про Сашкину ситуацию, и про ребенка, которого Аня бросила. Коротко, по делу. Отсыпаю ему фактов, чтоб в курсе был.

Пока Серега молча переваривает, я завожу пикап и отъезжаю подальше, встаю за кустами между двух чужих домов, чтоб не сильно в глаза бросалась тачка.

И наше ожидание вознаграждается, когда улица погружается в сумерки. Солнце уже село за горизонт, но небо еще не потемнело полностью. Только сверху разливается синева и первые звезды подмигивают нахально.

Здесь, в далеке от Москвы, их видно... я с тоской вспоминаю ночное небо пустыни, что было усыпано просто бесконечным количеством звезд. Таким, что за всю жизнь не сосчитаешь...

Но мне приходится откинуть неуместную ностальгию, потому что к дому некой Тамары подъезжает неприметная серая хонда. Седан.

Номер грязный, заляпанный, но Серега все равно умудряется рассмотреть. Записывает, молча, чтоб потом пробить.

Из тачки вылезает какой-то мужик. Высокий, крепкий. Только он машину обходит спереди и потом скрывается за забором. И я толком не могу разглядеть ни лица, ни рук. Просто очертания фигуры, да и то - сверху. В сумерках вообще хрен поймешь: все одинаково серое и сливается между собой.

Только сердце все равно сжимается.

Я не стал бы подполковником, если б не был наблюдательным хитрым засранцем.

Походка знакомая у мужика. Да только... Быть того не может. Может, мне кажется?

Не видно ж нихрена, вот сознание и рисует черте что.

Серега фоткает на телефон тачку.

Буквально через минуту Аня в компании этого мужика выходит из-за забора. В руках мужика два чемодана.

Я подаюсь вперед, вглядываюсь аж до боли в глазах. Но как ни стараюсь, а понять не получается. Лица не вижу отсюда.

Мужик укладывает чемоданы в багажник, Аня крутится рядом, руки у груди прижаты, ссутулившаяся какая-то, что-то говорит ему...

А он руку поднимает, отмахивается раздраженно, вроде как командует чтоб в тачку села. Аня и садится. Легко подчиняется. У меня аж зубы сводит. Чтоб Анька так легко кого-то слушала? Бред какой-то.

В конечном счете, машина стартует медленно по дороге, не врубая фары.

— Ну, точно мутное дело. Ныкаются.

— Угу, — я тоже завожу и не врубаю фары. — Еще какое мутное. Слушай, сможешь достать для меня одно дело?

Сергея смотрит на меня, хмурится в ожидании.

— Смотря какое?

— Свежее.

Глава 21: Странный вопрос.

Саша.

Я открываю дверь квартиры и ступаю за порог. Несколько долгих секунд вслушиваюсь в ненавистную мне тишину. Теперь только она встречает меня дома. Я вздыхаю и закрываю дверь, отрезая себя от света подъезда.

День был длинным, но внутри ощущается какое-то тепло, которое я не чувствовала довольно давно.

Может всему виной Женя. Та самая девочка, что вчера чуть ли не выгрызла из меня возможность танцевать в моей студии.

Она пришла, как мы и договаривались, даже раньше, чем нужно. За целый час до начала своей тренировки. И она сидела в углу, не отсвечивая, наблюдала. И за девочками, что танцевали, и за мной. Она думала, что я не вижу, но через зеркала я отлично все подмечала.

Периодически я ловила ее взгляды в мою сторону. Только я пока не поняла их подоплеку. Любопытство? Желание понравиться? Поиск одобрения?

Пока мне сложно сказать, получится из нее классная танцовщица и свяжет ли она свое будущее с танцами, как когда-то сделала я. Но она уже сегодня очень старалась.

Я видела, как она выкладывалась, стараясь изо всех сил, перебарывала свое стеснение. Она пытела, потела, но ни разу не пожаловалась.

Пусть ее движения деревянные, а сама она очень зажатая, но главное же ее порыв и желание. Мои желания так сильно давились в детстве, что мне приходилось буквально за них драться.

Поэтому мне как-то хочется помочь этой девчонке, что сейчас похожа на ощерившегося голодного волчонка.

Интересно, что происходит в ее жизни?

Она пришла ко мне одна, без ведома родителей. Интересно посмотреть на них. Что у нее за мама? А что за папа? Она сказала, что он ее не бьет... Но отдал при этом на бокс...

Ее история слишком сильно перекликается с моей, чтобы я могла воспринимать ее просто как очередную ученицу. Надо будет себя контролировать и постараться не выделять ее из всех.

Пока нужно просто наблюдать.

Я скидываю вещи, моюсь, заваливаюсь на диван. Мы со сном по прежнему на «вы»... Он ускользает от меня. Никак не хочет возвращаться.

Даже с портсигаром дедушки рядом мои ночи остаются длинными, а мысли беспокойными.

Я просто лежу в постели, в темноте, с закрытыми глазами. Я слушаю свое дыхание и шум города за стеклом, пытаюсь сосредотачиваться только на этих звуках, а не на своих мыслях. И только под утро организм уже сам вырубает меня.

Резкий звонок домофона заставляет меня вздрогнуть и открыть глаза.

Кто это может быть в такой час? Смотрю в телефон, морщась от света экрана.

02:04.

Обалдели совсем.

Лежу, игнорирую. А звонок продолжает настойчиво звонить.

— Да, бляха муха... — через две минуты мое терпение кончается.

Сбрасываю покрывало и тащусь к домофону.

— Отвалили от домофона, пока я не вышла, — рычу в трубку.

— Саша, это Влад.

Я замираю в непонятках. Сердце ускоряет свой темп.

— Влад? Ты ахренел что ли? Ты на время смотришь вообще?

— Надо поговорить, — его голос прорывается через домофон с хрипами, но я слышу в нем напряжение. — Это важно.

Стою, дышу на домофон своим волнением, ощущая, как сердце начинает трепетать за ребрами. Кусаю губы.

— Ладно, — вздыхаю я и жму кнопку. В трубке раздается писк открываемой подъездной двери.

Не хочу включать большой свет, поэтому иду на кухню и врубаю подсветку. Потом возвращаюсь и жду, кусая щеки изнутри.

Что ему понадобилось? Что случилось опять? Ведь не зря же он так поздно появился? Влад, конечно, тот еще засранец, но он не делает ничего просто так...

Через пару минут в дверь раздается стук. Глухой, но мощный. Глубоко вздохнув, открываю.

Влад на пороге стоит, смотрит. В руках у него небольшой букет каких-то цветов в простенькой обертке.

Молча, смотрю на этот натюрморт в кожанке.

В его ручищах этот букетик выглядит довольно забавно. Он его как будто у метро купил.

— Серьезно?

— Без комментариев, просто возьми, — он шагает вперед, закрывает за собой дверь. Резко проводит пару раз по мокрым волосам, разбрызгивая влагу вокруг себя.

Ну, чисто пес.

Злобный, судя по взгляду.

Всучивает мне букет, и я молча его беру. Пространство между нами заполняется нежным цветочным ароматом и влажным запахом улицы после дождя. Озон перемешку с сочным запахом зелени и мокрого асфальта.

— Ну, проходи, — буркаю и тащусь на кухню. Надо же поставить эти несчастные цветы в воду.

Влад разувается и стаскивает куртку. Она такая жесткая, что он почти ставит ее у стенки. Шагает следом за мной на кухню. Оглядывает пространство цепким взглядом, пристраиваясь плечом у косяка.

Я запикиваю букет в небольшую вазу, наливаю воды и ставлю его на подоконник. Поворачиваюсь к Владу. Он отрывает взгляд от моих голых ног и поднимает к моему лицу.

Я ж только в одной футболке, которая едва-едва задницу прикрывает.

— Ну? Начнешь уже или так и будешь пялиться?

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— Ты опознавала тело Артура после аварии?

Глава 22: Дрожь.

Саша.

Его вопрос пригвозждает меня к полу, словно молнией. Ощущения похожи, по крайней мере. Меня пронзает острой, горячей болью от самой макушки до пят.

И чувство такое, будто пятки расплавились и к полу приклеились. А внутри, наоборот, холод в груди появляется.

Влад внимательно следит за мной, не отрывая взгляда.

— Что за вопрос такой?

— Просто ответь.

— С чего я должна отвечать тебе на него? Заявляешься ко мне среди ночи, цветы даришь, вопросы странные задаешь? Ты ничего не попутал?

— Раз задаю, значит не просто так. Это не тупое любопытство мне в жопу ударило среди ночи.

— Ну, так объясни, — моментально раздражаюсь.

— Пока не могу. Просто ответь.

Отдуваясь, тяжело вздыхаю. Складываю руки на груди.

— Нет, не опознала. Все?

— А кто опознавал? Это же вроде обязательная процедура.

— Отец опознавал. Он занимался похоронами.

Влад хмурится еще сильнее, что-то обдумывая. Царапает бровь большим пальцем. Я невольно люблюсь его крепкими предплечьями. Мышцы перекатываются под загорелой кожей. Рукава футболки не скрывают крепких бицепсов.

— А гробы открытые были?

— Нет, блядь, Влад, гробы были закрытые. Что за допрос, твою мать? — отхожу от подоконника. Злость вскипает во мне моментально и острое желание закурить просыпается во мне по щелчку пальцев. До дрожи в этих самых пальцах, до фантомного ощущения горечи на языке.

— То есть тела Артура ты не видела?

— Боже... — тру лицо. — Нет, не видела. И никто не видел, ясно? Нечего там было опознавать. Сплошное мясо. Он не был пристегнут, а скорость была... — я припоминаю, что мне там говорили в полиции. — Что-то под двести... Там и от машины мало что осталось. Как думаешь, что с телами случается в такой мясорубке? Зачем тебе это знать? — требую, делая к нему шаг.

Он хмурится. Видно, что говорить не хочет.

— Пока сам не пойму, лучше не буду говорить.

— Я не это спросила, — отрезаю. — Ты заявился ко мне среди ночи, я тебя впустила. Ты задаешь вопросы, я отвечаю. Ты не находишь, что это как минимум не честно?

— Не хотел тебя расстраивать.

— Но ты расстроил.

— Просто ты мой единственный доступный источник информации. Пока что.

— И что это значит?

— Буду дальше копать.

— Так. Все. Давай на выход, — машу в сторону выхода и самадвигаюсь туда. А он с прохода не уходит.

— Саш.

— Давай на выход, говорю. Не хочешь говорить? Вали.

Я толкаю его в плечо, пытаюсь направить его в совершенно определенную сторону. К двери.

Но он стоит, хрен сдвинешь.

— Я думаю, что видел Артура.

Я моргаю, замирая. Даже дышать перестаю.

Всматриваюсь в его глаза, которые сейчас кажутся мне расплавленным металлом.

— Ч-чего?

— Поэтому и сказал, что проверить хочу. У меня нет доказательств. Только домыслы. У меня аж глаз дергается.

И я вздрагиваю, когда слышу смех из комнаты.

Артура смех.

Сердце ускоряется за секунду, сбиваясь с ритма. Словно кто-то резко нажал на газ.

Нет, не может быть!

— Ты слышал? — спрашиваю Влада, чувствуя, как дрожит голос.

Он хмурится.

— Что слышал? — он оборачивается, и я прорываюсь сквозь Влада, оттесняю его со своего пути и врываюсь в комнату.

Врубаю свет. Осматриваюсь.

Никого.

Пусто.

Только мягкая постель на собранном диване.

У меня подбодорок начинает дрожать, дыхание перехватывает. Мышцы шеи сводит от напряжения, которое никак не отпускает.

Нет, нет, нет! Этот ублюдок сдох!

Его нет! Вообще нет!

— Что с тобой, Саш? — Влад проходит следом за мной, зорко оглядывает пустую комнату.

— Нахрена ты пришел? — шепчу.

Мой мозг лихорадочно пытается осмыслить услышанное, но не получается. Не укладывается просто.

Отрицание, страх, злоба - все смешивается внутри в единый горячий ком. Слезы наворачиваются на глаза и я не могу их сдержать.

— Ну, вот нахрена ты пришел, а? — разворачиваюсь, едва дергаю руками без сил. — Ну, зачем ты мучаешь меня? М? Зачем?

— Сашка моя, — он шагает ко мне, я от него, но он все равно добирается до меня.

Настигает. Захватывает меня своими стальными руками. В стальные оковы объятий.

— Отвали, нет, не трогай!

Но он не отваливает. Подхватывает на руки и чуть ли не заваливается со мной на диван, прижимает к себе буквально насильно, потому что я брыкаюсь, как бешеная.

Ору что-то, что сама не понимаю.

Что-то, что хотела всегда ему вывалить. Весь тот груз обид, что висел на мне соляными наростами.

Ору, матерюсь, как сапожник, бью, куда достану, дергаю ногами, а он молчит. Сжимает меня руками и молчит. Терпит. Вижу, что больно. И мне хочется сделать ему еще больнее.

Бью, кричу, как сумасшедшая.

А он не отпускает.

Силы меня покидают, в конце концов. Я просто обмякаю в его руках. Он меня подгребает к себе, прижимает одной рукой сильнее, а вторую, наоборот, разжимает.

Кладет на голову и ведет. Осторожно так. Рука дрожит. Я чувствую эту дрожь, потому что она не совпадает с моей.

Моя - от злобы, от бессилия, от отчаянья.

Его - от вины, от желания помочь...

Так и сидим: вибрируем вдвоем, пока наши вибрации не сливаются в единое нечто. Перекоренное, но все же это уже что-то одно.

Я сижу, взмокая от своей гребаной истерики, прижимаюсь щекой к его груди. Чувствую, как внутри его колотится сердце. А снаружи и не скажешь, что он взволнован.

Лицо как будто из камня выселки... Но меня оно успокаивает.

Как и рука, что гладит меня по волосам. Его дыхание щекочет мне макушку.

— Я скучал по тебе. Прости ты меня. Пожалуйста. Я ошибся. Я осознал все. Не хочу тебя больше терять. Скажи, что сделать, чтоб ты меня хотя бы попыталась простить?

— Скажи мяу.

Пауза, словно у него мозг подгружает тяжелые данные.

— Чего?

— Скажи мяу.

— Не понял. Почему мяу?

— Потому что ты кот.

— Кот? Почему это я кот?

— Потому что «Крайне Обаятельная Тварь».

— Кхм... Мяу.

Мы сидим в тишине. Я чувствую, что он ждет. Ждет моей реакции в этой напряженной тишине.

Я закрываю глаза, пораженно смиряясь с тем, что так упорно отрицала все эти годы.

— Я тоже скучала.

Мы замолкаем на некоторое время. И все это время Влад не перестает гладить меня по голове.

— Если это и правда Артур, я найду его. Обещаю. И он за все ответит. А если нет и мне показалось, я докажу, что он ушел окончательно и бесповоротно.

— Я не собираюсь отсиживаться в стороне, — сиплю уставшим горлом, глядя куда-то ему в плечо. Перед глазами только оно.

— Саш...

— Не собираюсь.

Ягодки мои сладкие, спасибо вам огромное, что читаете и комментируете.

Несмотря на то, что история не простая, вы все равно остаетесь. Это очень приятно и я ценю ваше внимание.

Подписывайтесь и ставьте лайк, если история вас зацепила. Очень надеюсь, что вы пойдете вместе со мной и с Сашей дальше. Ваша поддержка нам обоим будет очень кстати ♥#

Впереди будет горькое и сладенькое одновременно: жив ли действительно Артур? И если он действительно жив, сможет ли Саша найти его, отомстить и найти душевный покой? И помимо этих главных вопросов там еще много всего ждет и Сашу, и Владу, что мама не горюй...

Но вместе они точно справятся. Они заслужили свой кусочек счастья. Прямо не кусочек, а здоровый такой кусок, КУСИЩЕ!

Обняла, приподняла:*

Увидимся на страницах истории ♥# (и в комментариях)

Глава 23: Дело.

Влад

Я просыпаюсь от понимания, что отлежал руку. А еще утренний стояк приносит вполне логичный дискомфорт. Я же так и уснул в одежде.

А еще настойчивый луч солнца в глаза светит. Пробился прямо сквозь щель в шторах.

Сквозь окно до меня доносятся пiski детей во дворе и далекий шум машин. Еще даже толком не проснувшись, я уже чувствую запах шампуня Саши. Ее волосы щекотят мне щеку.

Но несмотря на все эти дискомфортный мелочи, я дико счастлив.

Реально.

За все последние годы, где и в каких только условиях я не спал, но сейчас - самое идеальное утро.

Я открываю глаза и чуть поворачиваю голову. Саша еще спит. Она лежит как раз на моей руке, уткнувшись носом в мои ребра. Она выглядит такой мирной, нежной и домашней, что у меня невольно ускоряется сердце и начинает ныть под ребрами.

Не удерживаюсь. Слишком велик соблазн. Я слишком долго ждал.

Провожу тихонько пальцами по ее щеке, убирая волосы с ее лица. Она морщится и тут же просыпается.

Блин...

— Извини. Не хотел будить...

— Но разбудил, — ворчит, утыкаясь обратно мне под бок. Я улыбаюсь и уже смелее провожу рукой по ее голове.

До сих пор не верится, что я здесь. И она здесь. И мы здесь!

Я как будто вернулся в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.